

ШАНС НА ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ*

(ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ И РОССИЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ)

В.А.Красильщиков, Г.М.Зиборов, А.В.Рябов

Имеет ли смысл говорить о возрождении России, каковы перспективы российского обновления в свете зарубежного опыта модернизаций, в чем состоит стратегия развития России, с чем Россия может войти в систему будущего миропорядка? На эти вопросы с учетом тенденций мирового развития стараются ответить авторы статьи, посвященной проблемам модернизации в России. Материал подготовлен в Центре международных исследовательских программ Российского независимого института социальных и национальных проблем.

I. Нужно ли возрождение России?

Мифотворчество вошло в плоть и кровь российского общества: свергая старых идолов и кумиров, оно тут же создает себе новых, которые восшествуют на престол словно для того, чтобы потом пережить судьбу своих предшественников. Причем вера народа и его лидеров в мифы может принимать вполне рациональную форму, облакаясь то в пышные одежды “истинной теории” общественного переустройства, то в скромный костюм “здорового смысла” или “общецивилизационного развития”. Здесь речь идет не только о препарированной идее социализма, но и других, сегодняшних верованиях и социальных прожектах. Ныне нам преподносят множество разнообразных рецептов выхода из кризиса, в котором оказалась Россия — от либеральных до традиционно консервативных, увенчанных как европейской идеей прав и свобод человека, так и незабвенными принципами “самодержавия, православия и народности” графа Уварова. Примечательно, что приверженцы этих рецептов единодушно обещают грядущее возрождение России.

Но когда говорят о “возрождении”, то возникает естественный вопрос: а что, собственно, хотят возродить? Духовное и экономическое состояние страны, в котором она пребывала до большевистской революции; как хотят некоторые желающие убежать от собственной 75-летней тени? Однако такое возрождение восстановило бы наряду с мощными прогрессивными тенденциями развития России и все те условия, которые привели к 1917 г. И не следует обольщаться тем фактом, что накануне первой мировой войны российский капитализм стремительно набирал обороты: несмотря на быстрое развитие, он не смог преодолеть инерцию традиционного общества, люмпенско-патриархальной антибуржуазности, на которую наложились проекты большевиков.

Или, может быть, следует возродить этатистский (государственнический), называемый иногда азиатским, способ производства, по сути дела существовавший в России, пусть и не в чистом виде, при котором царству-

* По техническим причинам в статье не проставлены диакритические знаки.

ющий деспот с огромным чиновничьим аппаратом является верховным собственником основных производственных ресурсов, а человек служит лишь винтиком огромной бюрократической машины? Или речь идет о возрождении артельного производства на основе патриархальной общины, разрушенной усилиями и царского реформатора П.Столыпина, и большевиков? Но не приведет ли восстановление артельно-общинной организации производства к разрушению городской культуры, к свертыванию многих современных видов деятельности, в частности научных исследований, которые основаны на индивидуализме? Или под возрождением России следует понимать возвращение к серебряному веку русской культуры с его исканиями смысла жизни по ту сторону практической деятельности, с утонченным антисциентизмом и пренебрежительным отношением к приземленным буржуа, открывшим русской интеллигенции путь сначала к политическому радикализму, а затем либо в эмиграцию, либо на острова ГУЛАГа? Или речь должна идти о возрождении грандиозной державы с притязаниями от Аляски до Одера и Босфора, бывшей жандармом Европы, искоренителем "либеральной заразы", нагоняющим страх на весь белый свет?

104

Но, может быть, возрождение России должно взять за образец для подражания традиции и порядки Киевской Руси или Великого Новгорода, куда более привлекательные с точки зрения соответствия своей эпохе государства, чем империя Николая I или полуголодная держава с броненосцами? Действительно, призывы к возрождению России в духе традиций Киевской Руси и Великого Новгорода имеют под собой некоторое рациональное основание. Они, по крайней мере, помогают народу преодолеть порочное сознание своей неполноценности, убежденности в якобы неизбежном "отставании навсегда" от высокоразвитых стран. Беда только в том, что такой вариант возрождения упускает из виду и феодальные порядки в Киевской Руси, и феодальную раздробленность, оказавшуюся губительной для страны перед лицом татаро-монгольского нашествия, и, несмотря на относительное благополучие по части личных прав и свобод в Новгороде по сравнению со многими странами тогдашней Европы, неодинаковость прав всех жителей республики на северо-востоке Европы.

Таким образом, на поверку выясняется, что за термином "возрождение России" скрывается нечто совсем другое, чем простое возвращение к тем или иным типам обществ, существовавшим некогда в нашей истории. Но что именно?

В это "что", прямо скажем, так же страшно заглянуть, как и в пустоту, ибо... оно и есть пустота. "Возрождение России" — мифологема, родившаяся на развалинах горбачевской "революции сверху". После некоторой "работы понятия", как выражался Гегель, оказывается, что на каждый "хороший" факт из истории и прошлой повседневной жизни России с таким же успехом можно отыскать соответствующий ему по времени "плохой" факт, свидетельствующий о несправедливости и нищете народа, об удивительном пренебрежении к человеческой жизни со стороны власть предержащих, об абсурдных управленческих решениях. Речь может и должна идти только о сохранении огромного вклада России в мировую культуру и науку.

И в этой связи необходимо отметить, что перед Россией стоит задача не мифического возрождения, а превращения в современную страну с учетом

и на основе ее лучших, но далеко не всех, социокультурных традиций, включая частично и те, которые были рождены в советскую эпоху. Но было бы неверно ограничивать понятие традиции возвращением и сохранением наследия (1), обеспечивающей историческую связь времен и преемственность развития. На самом деле перед Россией стоит задача модернизации — глубокого социального, экономического, духовного, политического и технологического обновления, осуществляемого путем последовательных реформ (2). Только в результате модернизации Россия может стать современной державой, славящейся созидательным трудом, высокой культурой и широкими свободами людей, достижениями в области качества жизни и передовыми технологиями. Это значит изменить вектор развития России, сложившийся не за одни лишь 75 лет власти большевиков, а за целые столетия господства государственного деспотизма после татаро-монгольского ига, которое выбило Русь из общего русла прогресса европейской цивилизации.

II. Модернизации в истории

1. Модернизации и общественное развитие

Методологической основой исследования модернизации, на наш взгляд, является комплексный формационно-цивилизационный подход к развитию общества. Суть его состоит в том, что всемирная история подразделяется на три крупные общественные макроформации: первичную, или архаическую, вторичную, или экономическую, и третичную, или постэкономическую. Если первичная формация существовала до неолитической революции, то вторичная охватывает собой азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства, когда экономика (производство материальных благ, средств к жизни) господствует над производством человека, над развитием потребностей, общественных отношений и сознания. Для вторичной формации характерно отчуждение человека от природы, общества, результатов своей деятельности и от других людей. В третичной, постэкономической формации главным становится производство человека, а отчуждение во всех его формах постепенно преодолевается; целью и одновременно условием всей жизнедеятельности общества становится всемерное развитие человеческих сил и способностей. Наиболее развитая часть человечества в лице стран Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии вступила ныне в переходную эпоху от экономической общественной формации к постэкономической. Между тем подавляющее большинство человечества (в том числе и страны Восточной Европы, включая Россию) находится пока на стадии вторичной макроформации, а часть (особенно в Африке и джунглях Амазонии) — даже первичной (3).

В свою очередь вся общечеловеческая цивилизация распадается на конкретные историко-культурные цивилизации, которые складываются в рамках вторичной и третичной формаций, прежде всего на западную, европейскую, и восточную, азиатскую, а также близкие к последней по способу производства и характеру общественного устройства африканскую и амери-

канскую (доколумбовой эпохи). Эти крупные цивилизации подразделяются, далее, на более частные ("субцивилизации"): дальневосточную, индийскую, эллинскую и т.д. (4). Цивилизации и способы производства в исторических границах вторичной макроформации взаимосвязаны друг с другом, поскольку в основе их развития лежит саморазвитие людей в процессе деятельности по воспроизводству своей жизни, средств к ней, своих общественных отношений, потребностей и сознания. Так, капиталистический способ производства явился законным детищем западной цивилизации (5), тогда как на Востоке он получил развитие главным образом благодаря взаимодействию восточных обществ с Западом и экспансии западной цивилизации.

Модернизация — это социальная, культурная, экономическая, технологическая (а в некоторых случаях и политическая) революция, затрагивающая основы повседневной жизни людей и изменяющая их образ жизни, социальную ткань общества, хотя она может быть растянута по времени и осуществляться путем последовательных реформ. В процессе и в результате ее на авансцену выдвигаются новые субъекты социального действия или кардинально изменяются старые (6). Но в любом случае модернизация — спутник капиталистического развития. Лишь капитализм, как самый динамичный из известных доныне истории способов производства, постоянно нуждается в радикальных преобразованиях техники и повседневной жизни людей, их общественных отношений, а также стимулирует такие перемены в других, полу- или докапиталистических, обществах. Модернизация связана с развитием и распространением культуры "модернити": с приверженностью западноевропейскому рационализму, сциентизмом, ориентацией социальных субъектов на экономический рост и технический прогресс, отношением людей к природе как объекту приложения своих сил и знаний, идеями социального равенства и индивидуальной свободы, индивидуализмом. Это, правда, не означает, что всякая модернизация ведет к развитию капитализма и его последующим трансформациям и тем более к успешному восприятию массовым сознанием ценностей "модернити" (7). Модернизация может осуществляться и в тех случаях, когда капиталистический способ производства воздействует на общество извне, со стороны более развитых стран. Тогда модернизация могла принимать уродливые формы и порождать острые социальные проблемы, порой сопровождаясь консервацией, даже возрождением докапиталистических отношений, как было, например, в Германии XVI в. под воздействием ранней модернизации в Голландии и Англии (появление мануфактур) или в России XX столетия вследствие сталинской индустриализации, а принципы "модернити" принимались либо небольшой частью общества, либо фигурировали лишь в форме абстрактных деклараций.

В соответствии с причинами и целями модернизаций их можно подразделить на органичные и неорганичные (догоняющие).

2. Органичные и неорганичные модернизации

Органичная модернизация — момент собственного развития страны, которая изначально обладала внутренними импульсами и способностью к саморазвитию и к началу такой модернизации уже занимала высокое место

в мировой “табели о рангах” социально-экономического и технологического прогресса. Неорганичная модернизация — это ответ на внешний вызов со стороны другой, более развитой и динамичной, страны или даже целой цивилизации, способ “догоняющего” развития, усилие, порой отчаянное, предпринимаемое страной, чтобы преодолеть свою историческую отсталость и избежать иностранной зависимости, а то и вовсе национальной катастрофы.

Модернизация первого типа, т.е. в странах первого эшелона мирового капитализма (8), представляет собой ответ на кризис предыдущего эволюционного развития, порой даже не осознаваемую обществом попытку найти выход из этого кризиса. Причем такая модернизация органична для общества. Она подготовлена всем ходом предшествующего развития. Так, органичными были столь разноплановые, отличные друг от друга преобразования, как промышленный переворот в Англии, внедрение фордизма в Америке в первой четверти XX столетия, модернизация во Франции при президенте Ш. де Голле в 1960-е гг.

Важно отметить, что модернизации в развитых странах начинались не с экономики, которая, казалось бы, является основной сферой жизнедеятельности людей, а в сфере культуры, с изменений общественного сознания, которые, “проходя” через сферу политики, уже затем воплощались в экономических и технических нововведениях. Механизм модернизации в развитых странах был примерно таков:

1. зарождение новых идей (с широким использованием идей прошлого) как реакция на кризисные явления в обществе, изменение ценностных ориентаций, если не у всех людей, то, по крайней мере, у активного меньшинства;

2. появление социальной силы, выдвигающей идеи обновления, нередко под флагом возрождения духовного наследия минувших эпох (“третье сословие” в годы Великой французской революции и промышленного переворота, городские средние слои, часть “рабочей аристократии” и инженеры-предприниматели, технократы в период становления поточно-конвейерного производства и “государства благосостояния”);

3. выход субъектов модернизации и их лидеров на арену идейно-политической борьбы и создание благоприятных социально-политических и правовых условий для проведения модернизации (реформы Ф.Д.Рузвельта в США и шведских социал-демократов в 1930-е годы, формирование системы V Республики Ш. де Голля в конце 1950-х — начале 1960-х гг. во Франции);

4. осуществление собственно модернизации в экономике и технологии как “снизу”, т.е. благодаря инициативе и интересам субъектов обновления, так и “сверху”, с помощью соответствующих мер государственного регулирования, законодательства и общенациональных программ преобразований;

5. выход общества на новую ступень социально-экономического и технологического развития, разрешение конфликтов, возникших в ходе модернизации из-за ущемления интересов старых социальных слоев и групп, “накопление сил” для следующей модернизации. При этом социально-классовые конфликты в обществе играли двойную роль: они разрушали старый порядок и служили основой движения вперед, социального обновления.

Неорганичная модернизация (модернизация догоняющего развития) предполагает, что одни элементы общественной системы “убежали” вперед,

более или менее соответствуют органичному развитию в передовых странах, а другие еще не “вызрели”, отстают в своем развитии или вовсе отсутствуют. Она осуществляется как вследствие конкуренции на мировых рынках и угрозы экономической зависимости (Япония в XIX веке, страны Латинской Америки в середине и второй половине XX в.), опасности войны (та же Япония, СССР в 30-е годы, Китай в 70-е) или даже поражения в войне (опять-таки Япония в 1945–1950 гг., Россия в середине XIX в. и после русско-японской войны), так и в силу стремления правящих классов разрешить социальные конфликты по примеру развитых стран благодаря росту благосостояния, а теперь уже и качества жизни народа, путем преодоления наиболее острых форм отчуждения народных масс от современных средств существования, а затем от образования, культуры, социальных гарантий, наконец, от участия в политической жизни. Правда, при этом сам господствующий класс должен был измениться до неузнаваемости или уступить место под солнцем и у кормила власти другим слоям, своим конкурентам. Достаточно вспомнить и “вестернизацию” правителей Саудовской Аравии и других государств Аравийского полуострова, и “японизацию” южнокорейских предпринимателей, и поражение традиционных земельно-финансовых олигархий в борьбе за влияние на лидеров авторитарных режимов в странах Латинской Америки.

Помимо подразделения модернизаций на органичные и неорганичные, следует разделить модернизации и по социально-технологическим типам. Сделать это нужно, в частности, для того, чтобы яснее представлять себе задачи, которые предстоит решать в ходе российской модернизации.

3. Социально-технологические типы модернизаций. Переход к постмодернизации

На каждом этапе всемирной истории модернизации, будь то органичные или неорганичные, обладали характерными чертами, которые соответствовали этому этапу.

Модернизации связаны: 1) с переходом обществ от естественных производительных сил к общественным, т.е. таким, которые, во-первых, могут использоваться людьми только сообща (что предполагает кооперацию и разделение функций в процессе труда), во-вторых, представляют собой результат общественного развития (например, мануфактура); 2) с изменениями общественных производительных сил (переход от ремесленного и мануфактурного производства к фабрично-заводскому — раннеиндустриальная модернизация, переход от фабрично-заводского к поточно-конвейерному производству — позднеиндустриальная); 3) с преобразованием общественных производительных сил во всеобщие, составляющие достояние всего человечества, каковы ноосфера, наука, информация и ценности культуры, — постиндустриальная модернизация, точнее, постмодернизация. При этом модернизация может быть растянута во времени и складываться из серии частичных модернизаций, “подмодернизаций”. Так, в частности, было во Франции, где позднеиндустриальная модернизация, начавшись в 1924 г. с пуска конвейера Луи Рено, завершилась лишь при Ш.де Голле в середине 60-х гг.

Первой в мировой истории крупномасштабной модернизацией была промышленная революция, сначала в Англии, а затем и в других высоко-развитых странах.

Исходным пунктом промышленного переворота явилось преобразование орудия труда из ручного в механическое, появление машины. За этим преобразованием стояло резкое социальное расслоение гражданского общества на буржуа и пролетариев, кристаллизация общественных интересов и развитие классовой борьбы как формы их проявления, всеохватное отчуждение людей друг от друга, от процесса и результатов труда и от природы, от самих себя. Его результатом было возникновение раннеиндустриального общества, “классического” капитализма. В тех случаях, когда промышленный переворот осуществлялся в рамках не органичного, а догоняющего развития (Япония эпохи Мейдзи, Россия при С.Ю.Витте, Бразилия в начале XX века), раннеиндустриальное общество переплеталось с добуржуазными отношениями, порождая порой острые конфликты и коллизии.

Исходный пункт позднеиндустриальной модернизации заключается в технологическом отношении преобразования процесса труда на основе его научной, инженерной организации (Ф.Тэйлор). В соответствии с инженерной организацией процесса труда изменяются и орудия труда, и вся организация производства: возникает поточно-конвейерное производство (Г.Форд I, Л.Рено), ориентированное на массовый выпуск стандартной продукции, главным образом предметов личного потребления длительного пользования. Позднеиндустриальная модернизация в развитых странах (США в 1914–1929 гг., Западная Европа в 1930–1950-х гг., Япония в 1950–1960-х гг.) превратила трудящегося человека в главный “производственный ресурс” капиталистического процесса производства, потребовав появления инженеров не только по “железкам”, но и по организации труда и конструированию рабочих мест, специалистов по эргономике и инженерной социологии, психологии и менеджменту. Она в значительной степени преодолела старые классовые антагонизмы раннеиндустриального общества, превратив их в основу поступательного развития капитализма в 1930–1970-х гг. Позднеиндустриальная модернизация на базе фордизма — это высокие заработки рабочих, емкие, постоянно расширяющиеся рынки разнообразной продукции, система “государства благосостояния” и регулирования экономики с помощью кейнсианских методов (за счет поддержания эффективного платежеспособного спроса населения и государства на товары и услуги), конкуренция крупных корпораций друг с другом, рост сферы услуг. Она знаменовала собой поворот капиталистического производства к человеку, к удовлетворению его потребностей пусть даже ценой усиления отчуждения в процессе труда, обезличивающей стандартизации потребления и образа жизни десятков миллионов людей. Результатом позднеиндустриальной модернизации явилось “общество изобилия” (Дж.К.Гэлбрейт, США), “технологическое общество” (Ж.Эллюль, Франция) или “общество массового потребления” (У.Ростову, США) (9). Вместе с тем получили развитие негативные тенденции, заложенные в природе индустриального (капиталистического) общества: утрата людьми своей индивидуальности, растворение их в общей массе таких же благополучных и “устроенных”

индивидов (“одномерный человек” — Г.Маркузе, США), формализация отношений между людьми (“толпа одиноких” — Д.Рисман, США) (10).

Субъектами позднеиндустриальной модернизации явились инженеры-предприниматели, технократы, противостоявшие собственникам-буржуа, “праздному классу” (Т.Веблен, США) (11), а также наиболее мобильная и образованная часть рабочего класса, названная радикальными социалистами “рабочей аристократией”. Позднеиндустриальная модернизация открыла путь первому этапу НТР (на базе роста личного потребления трудящихся и формирования благодаря этому нового качества рабочей силы) — соединению производительного труда с научным знанием, появлению многочисленного слоя наемных работников умственного труда, “нового рабочего класса” (С.Малле, Франция) (12). Вследствие этого сложились новые отрасли экономики (авиакосмическая, электронная, производство синтетических материалов и др.), преобразился облик предприятий и городов, а бурное развитие международного разделения труда, потоки иностранных капиталовложений, научно-технические и культурные отношения между странами, новые средства связи и реактивная пассажирская авиация сделали мир тесным и внутренне взаимосвязанным.

110

Позднеиндустриальная модернизация в странах догоняющего развития привела их к превращению в новые индустриальные государства. Как правило, она проводилась под эгидой транснационального капитала и сопровождалась временным подавлением всех сил старого общества, которые могли ей сопротивляться: раннеиндустриального и мануфактурного рабочего класса, старых средних слоев, мелкой буржуазии, традиционной земельной и торговой олигархии. Для осуществления позднеиндустриальной модернизации в развивающихся странах были необходимы авторитарные (и даже неофашистского типа) режимы (13), а сама она представляла собой насаждение “кровавого фордизма” (А.Липьец, Франция) (14).

Необходимость авторитарных методов правления почти во всех без исключения новых индустриальных странах, осуществлявших и осуществляющих ныне модернизацию, была обусловлена необходимостью либо подавить, сломать сопротивляющиеся ей элементы традиционного общества, либо вовлечь их в систему современного общества. Кроме того, нужно было обеспечить благоприятные политические и правовые условия для иностранных капиталовложений: транснациональные корпорации нуждаются в порядке и стабильности. Очагами позднеиндустриальной модернизации в развивающихся странах стали “анклавы современности”, где как раз разворачивалась деятельность ТНК. В результате формировалась, особенно на первых порах модернизации, дуалистическая структура общества и экономики, когда наряду с передовыми, развитыми районами сохранялись обширные зоны нищеты и отсталости (15).

Позднеиндустриальная модернизация догоняющего развития в технико-экономическом плане начиналась, как правило, с выпуска массовой, дешевой продукции, технически не сложной в изготовлении (детских игрушек, одежды, обуви, комплектующих изделий для технически более сложных производств в развитых странах), ориентированной на экспорт. Важными условиями ее проведения были изначально низкий уровень по-

ребления большинства населения, традиционное трудолюбие (в странах ЮВА), дух корпоративности, патернализма, формы предпринимательства, созвучные историческим традициям (например, семейные фирмы, основанные на общинных связях, как в Таиланде или Малайзии), наличие больших масс работников с 5–7–летним образованием и собственной технократии, тесно соприкасающейся с мировыми центрами науки и технического прогресса, с транснациональным бизнесом. Ограничения политической демократии и жесткое законодательство, направленные на создание благоприятных условий для притока иностранного капитала, сочетались в новых индустриальных странах с ростом личного потребления (в том числе благодаря расширению внешней торговли за счет увеличения собственного экспорта) и повышением уровня образования экономически активного населения, развитием частного производительного предпринимательства. Со временем новые индустриальные страны переходили к постепенной демократизации, которую иногда начинали, под давлением обстоятельств или в силу собственных прагматических соображений, сами лидеры авторитарных режимов (Ж.Батисту до Фигейреду в Бразилии, Ро Дэ у в Южной Корее).

В традиционном обществе, где идеология вообще, религия в частности, всегда имела большое значение, где в соответствии с идеологическими, социокультурными установками регулировалась повседневная жизнь, модернизация не может и не должна приходить в противоречие с идеологией. В противном случае возникает социокультурное отчуждение народа от насаждаемых сверху новых порядков и в конечном счете всплеск идеологического фундаментализма (Иран, Алжир, Египет). Неслучайно в странах догоняющего развития перед началом модернизации формировалась, нередко вполне сознательно, под руководством ее лидеров, идеология модернизации (идеология обновления). Это была синтетическая, порой эклектическая идеология, состоящая из самых разнообразных элементов, подчиненных цели модернизации. Она опиралась как на культурные традиции страны, так и на новейшие идеи мировой общественной мысли, соединяя традиционность и “модернити”.

Позднеиндустриальная модернизация, особенно в новых индустриальных странах, где она началась с опозданием, в иных исторических условиях, нежели в странах первого эшелона, перерастает в радикальную модернизацию постиндустриального типа, которую следовало бы назвать постмодернизацией, поскольку она предполагает выход за пределы западноевропейского рационализма, за пределы “модернити”. Результатом постмодернизации является переход к постиндустриальному обществу (см. раздел VI).

* * *

Для разработки общей концепции российской модернизации (и постмодернизации) не менее важным, чем опыт развитых и новых индустриальных стран, является исторический опыт прошлых попыток самой России выйти на соответствующий эпохе уровень социально-экономического и технического развития.

III. Опыт истории российских модернизаций

В прошлом Россия не раз пыталась преодолеть свое отставание от Запада, которое стало очевидным еще в годы царствования Ивана Грозного и периодически угрожало независимости страны, сдерживало ее экспансию. Такие попытки предпринимали и сам Грозный, и Борис Годунов, и князь Василий Васильевич Голицын при Алексее Михайловиче, и, конечно, Петр Великий, и Александр II. Интересно, что порой соответствующие модернизации реформы начинались при одном государе, а сама модернизация проводилась при другом. Так, предпосылки для петровских преобразований сложились еще при его отце, Алексее Михайловиче и в период робких попыток князя Голицына осуществить европеизацию страны, а условия для виттевской модернизации, весьма заметно продвинувшей Россию вперед по пути индустриализации, были созданы реформами Александра II. Глубочайшей модернизацией, выдвинувшей Россию/Советский Союз в число ведущих промышленных держав мира, была, конечно, сталинская индустриализация, хотя она и носила во многом односторонний, однобокий характер.

112
 Разумеется, все попытки модернизации России в прошлом не похожи друг на друга: они проводились в разных исторических условиях, разными людьми, непосредственные цели и интересы которых были соответственно тоже разные. Тем не менее у всех этих попыток была, по крайней мере одна, общая существенная черта. Вплоть до первых лет горбачевской перестройки модернизации в России осуществлялись по имперской модели. (16) Они были подчинены, в первую очередь, задачам военно-политической экспансии империи, обороны от внешних врагов и поддержания статуса великой державы, а вовсе не решению внутренних социальных и экономических проблем, тем более не повышению народного благосостояния. Если такие цели и ставились кем-то из модернизаторов, то лишь во вторую очередь, как некое желательное, но не обязательное "дополнение" к решению первоочередных задач. Ядром имперской модернизации было создание мощного военно-промышленного комплекса: сильной армии, оснащенной хорошим вооружением, и обслуживающих ее производств. Для осуществления такой модернизации привлекались лучшие умы и руки, отечественные и зарубежные, создавалась мощная, соответствующая масштабам империи бюрократическая машина. Поскольку для модернизации необходимо было изыскивать колоссальные ресурсы, то она сопровождалась усилением гнета и эксплуатации, что вызывало народное недовольство. Отсюда усиление репрессивно-полицейского аппарата. Подавление свобод и жестокая эксплуатация, естественно, вели к дальнейшему обнищанию народа. В результате общество фактически лишалось импульсов к саморазвитию, поскольку всякая инициатива "снизу" подавлялась системой помещичьего и чиновничьего гнета, если только случайно не встречала августейшую поддержку, как иногда бывало при Петре Алексеевиче. Подобная модернизация приводила к удивительному сочетанию самого передового в науке и технике с отсталым, даже архаичным в экономике, в повседневной жизни, высочайшей культуры — с вопиющим бескультурьем и невежеством. Прогресс, реализация смелых технических и архитектурных проектов в России уживались с потрясающе пренебрежительным отношением к человеческой жизни, полным неуважением к личности человека (17).

То развитие капитализма, которое, по мысли русских марксистов, особенно большевиков, должно было вывести Россию на дорогу европейского прогресса и привести к пролетарской революции, в действительности было далеко не органичным. Об органичности русского капитализма в конце XIX — начале XX в. можно говорить лишь применительно к капитализму Центра России ("ситцевый капитализм"). Создание мощных предприятий тяжелой индустрии, железнодорожной сети осуществлялось благодаря заказам государства. (Нынешний ВПК Ленинграда—Петербурга в основе своей закладывался еще при Александре III). Таким образом, несмотря на узкий внутренний рынок, о чем писали народники (18), российский капитализм бурно развивался, но не столько за счет расширения внутреннего рынка, как утверждали русские марксисты (В. Ленин) (19), сколько при мощной поддержке государства.

Сталинская индустриализация во многом повторила характерные черты предыдущих российских модернизаций. Прежде всего она проводилась с целью создать основу оборонной промышленности ввиду угрозы извне (как реальной, так и мнимой, постоянно возникавшей в больном воображении руководителей страны). НЭП не мог сам по себе способствовать преодолению этой отсталости. Чтобы преодолеть ее, были необходимы колоссальные инвестиции, которые не могли осуществить ни государство (без серьезных социально-экономических потрясений), ни иностранные компании, ни тем более нэпманы, не имевшие серьезных накоплений для широкомасштабных капиталовложений. И руководители СССР, независимо от своих политических амбиций и потаенных личных замыслов, хорошо осознавали сей факт. Таким образом, альтернативы глубокой модернизации России в конце 1920-х — начале 1930-х гг. по существу не было. Альтернатива заключалась в рамках стратегии и тактики самой модернизации: между курсом Сталина—Молотова—Кагановича и технократической линией Бухарина—Рыкова—Орджоникидзе—Кирова. Первый был объективно направлен на становление деспотической системы, использующей крепостнические и даже рабские (ГУЛАГ) методы эксплуатации. Второй курс означал бы на практике развитие государственного капитализма с элементами социал-демократической/кейнсианской модели, перерастающего скорее всего в систему крупных, конкурирующих между собой корпораций, в которых особую роль играли бы управляющие—технократы. Однако в любом случае модернизация конца 1920-х — начала 1930-х гг. предполагала радикальную ломку социальной структуры и общественной психологии и осуществлялась бы за счет населения, прежде всего крестьянства.

В силу целого ряда политических и социокультурных факторов победу одержала линия Сталина. Получилось так, что в России/Советском Союзе был выбран наихудший из возможных вариант развития. Между тем необходимо признать, что никогда в истории отставание России от Запада по уровню промышленного производства и технологии не было столь малым, как в результате кровавой сталинской модернизации — факт, подтверждающий, что в России не было внутренних социальных механизмов, побуждавших страну к саморазвитию, из-за чего цена любых, даже умеренных достижений всегда была непомерна высока и оплачивалась кровью. Конеч-

но, по многим социально-экономическим параметрам Россия весьма существенно отставала от развитых стран и после сталинской индустриализации (20). Однако, как бы там ни было, эта индустриализация заложила основу для дальнейшего развития страны по пути к "обществу массового потребления", но возможности такого развития остались не использованными. Интересно, что после сталинской индустриализации серьезных попыток осуществить новую радикальную модернизацию в России не предпринималось, хотя весь развитый мир подвинулся вперед на полторы-две социально-технологических стадии. Были лишь достижения по отдельным, пусть и важным направлениям, в основном связанным с оборонной промышленностью: космос, авиация, лазерные технологии, атомная энергетика.

При рассмотрении индустриализации 1920—1930-х гг. в бывшем Советском Союзе возникает вопрос о соответствии индустриальной технологии всей системе советского общества. В частности, почему традиционное по структуре и сознанию общество, сильно люмпенизированное, состоявшее в основном из бывших крестьян, оказалось способным воспринять индустриальную технологию, которая создавалась в условиях развитого рыночного хозяйства, зрелого гражданского общества, коим в России начала 1930-х гг. и "не пахло"? Почему российский казарменный коммунизм был в состоянии осуществить раннеиндустриальную модернизацию, споткнувшись потом о порог модернизации позднеиндустриальной (фордистско-кейнсианской) и потерпев поражение под напором постиндустриализации?

Дело в том, что раннеиндустриальная технология была столь же деспотичной и отчуждающей человека от его труда, как и само сталинское государство. Она изначально создавалась не для того, чтобы облегчить труд и благодетельствовать народы изобилием дешевых товаров, а чтобы извлекать из наемного труда наибольшую массу прибавочной стоимости, служить средством капиталистической эксплуатации. Индустриальная технология в своем детском и юношеском возрасте адекватна раннему капитализму (21). Конечно, в России использование индустриальной технологии преломилось сквозь призму российских традиций, в частности, полного подавления, растворения личности человека в общей массе людей-винтиков, а не только в процессе труда. Но в целом деспотическая природа индустриальной технологии вполне соответствовала сути сталинской системы. Тоталитарному государству без особых внутренних разладов с самим собой удалось создать и использовать тоталитарную технику (22). Разлад начался тогда, когда ему пришлось взывать к патриотизму и таланту физиков, разрабатывая в спешном порядке собственную атомную бомбу (В.Гроссман), т.е. переходить на более высокую ступень технологии, а значит, и личной свободы человека.

К концу 1940-х — началу 1950-х гг. выявилась ограниченность раннеиндустриальной модернизации России, ее неспособность в полной мере преодолеть социально-экономическое и технологическое отставание страны от передовых стран Запада. Г.М.Маленков предпринял попытку решить проблему путем переориентации экономики на личное потребление, изменения ее структуры в пользу современных отраслей, расширения социальных гарантий, ускорения научно-технического прогресса. Фактически речь

шла о том, чтобы создать некое полицейское “государство благосостояния” в социалистической чешуе. При этом даже не обсуждался вопрос о том, что нужно найти механизмы, которые бы вызвали внутренние импульсы саморазвития. Основы сталинской системы трогать не предполагалось. Но эта система оказалась настолько косной и инертной, настолько подчиненной собственным идейно-политическим установкам, что быстро расправилась со своим преобразователем. Н.С.Хрущев в значительной мере осуществил замыслы предшественника, развернув массовое жилищное строительство, чуть подтянув производство предметов потребления и сельское хозяйство. По сравнению с тем положением, которое существовало в данной области до войны и в первые послевоенные годы, меры Хрущева дали заметный эффект. Возникла эйфория от становления (больше кажущегося, чем действительного) советского “государства благосостояния”.

Но все же хрущевская “оттепель” даже приблизительно не напоминала модернизацию, в которой уже тогда нуждалась страна. “Оттепель” даже не могла заложить социально-политические и правовые условия для модернизации подобно тому, как реформы Александра II создали предпосылки для виттевской модернизации России на рубеже XIX–XX вв. Единственное важное условие подлинной модернизации, которое сложилось за годы хрущевского правления, это — наряду с формированием очагов научно-технического прорыва типа Сибирского отделения Академии наук, которые, однако, потом быстро угасли — благоприятный для рывка вперед социально-психологический климат, атмосфера подъема и вера в собственные силы, хотя и пронизанная мифотворчеством. Но эта атмосфера быстро развеялась.

Робкие, непоследовательные реформы Хрущева устранили лишь один, хотя и крайне важный элемент сталинской системы — тотальный страх и террор. Теперь бюрократия могла наконец-то вздохнуть с облегчением. С этого “вздоха” началось медленное, но верное саморазложение системы.

Брежневский режим в принципе не был способен проводить какую-либо серьезную модернизацию. Разлагающаяся система, которая начинала перерастать в систему господства всеобщей частной собственности (К.Маркс) (23), не могла самообновляться. Правда, за годы застоя выросли такие гиганты, как ВАЗ и КамАЗ, появились новые нефтехимические комплексы и предприятия оборонной промышленности, которые соответствовали позднеиндустриальной стадии развития. Но в целом они не могли дать того социально-экономического эффекта, который был в них потенциально заложен, без изменения производственных отношений и обновления системы управления хозяйством. Попытки отдельных деятелей режима (например, А.Н.Косыгина), ученых и технократов посмотреть на шаг вперед и взбаламутить болото вызвали раздражение и побуждали, в лучшем случае, изыскивать резервы и способы для сохранения одиозной системы. Одним из таких способов была признана внешняя политика.

Под разговоры о разрядке международной напряженности брежневская бюрократия решила поправить свои ухудшающиеся дела:

а) с помощью контактов с ТНК (многочисленные крупномасштабные проекты по принципу “сырье на готовые изделия и технологии”, поставившие страну в одностороннюю зависимость от закупок импортных запчастей, материалов и оборудования);

б) за счет поддержания высоких цен на экспортируемое сырье и энергоносители. При этом одновременно ставилась задача, поддерживая радикальные течения в "третьем мире", нанести мощный удар, политический и экономический, по "системе империализма". Известна та поддержка, которую бывший Советский Союз оказал странам ОПЕК в установлении высоких цен на нефть.

Но своей политикой брежневские архистратиги лишь подтолкнули Запад к переменам, которые там уже назрели в силу внутреннего развития. Этой политикой они объективно больше всего затронули тот социальный слой, против которого внутри собственной страны вели тихую гражданскую войну: новый рабочий класс, научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию, уже готовую стать субъектом технологических перемен в развитых странах Запада. Сознательная поддержка Советским Союзом ОПЕК с ценами на нефть больно ударила по карману "пригородного общества", вынудив переплачивать за бензин. Советский Союз стал выглядеть в его глазах виновником ухудшения материального положения (24). Настроения широких слоев трудящихся развитых стран сомкнулись с устремлениями отнюдь не миролюбивых кругов, ориентированных на конфронтацию с Советским Союзом. По сути дела брежневская бюрократия содействовала, во всяком случае косвенно, подъему неоконсервативной волны, за которой последовала и рейгановская программа СОИ, в результате чего выявилась настоятельная необходимость радикальной модернизации СССР. Так вожди застоя, пытаясь сохранить статус-кво любой ценой, в действительности нарушили хрупкое равновесие в мире, что не в последнюю очередь и вызвало так называемую перестройку.

IV. Перестройка 1985–1990-х гг: упущенные возможности

Начало перестройки непосредственно было обусловлено прежде всего тем, что по времени совпали внутренние и внешние факторы, выявившие негодность советской системы. Во внутреннем плане интересы промышленной технократии, нацеленные на укрепление ведомственного монополизма, столкнулись с деятельностью партийного аппарата, зачастую крайне некомпетентной и заидеологизированной, которая тем не менее не позволяла индустриальным монстрам растащить все народное хозяйство по ведомственным квартирам и перейти уже к открытому монополистическому разбою в экономике. (На это обстоятельство обратил внимание Б.Н. Ельцин в 1986 г., выступая на XXVII съезде КПСС в качестве тогдашнего первого секретаря Московского горкома.) Министерский чиновник восжаждал освободиться от партийного диктата, получить доступ к мировым рынкам и обрести соответствующий его социально-профессиональному статусу уровень благосостояния, для чего ему и понадобились те куцые реформы в духе позднего средневековья, которые пытались претворить в жизнь правительство Рыжкова в 1986–1988 гг. Во внешнем плане, как уже отмечалось, перестройку вызвала к жизни рейгановская программа СОИ. В начале 1980-х гг. стало ясно, что страна впервые за всю свою историю утратила конкурентоспособность в той сфере, в которой она раньше могла успешно соперничать с Западом — в сфере военных технологий. Превосходство

Запада в способе производства, производственных отношениях и в области личных прав и свобод индивида воплотилось в военно-технологическом превосходстве над СССР. Разумеется, для перестройки были и более глубокие основания, чем очевидное отставание Советского Союза по части технологий в военном производстве или корпоративные интересы части бюрократии, но “люди принятия решений” руководствовались отнюдь не ими и не субъективными мнениями М.С.Горбачева и его ближайшего окружения, а теми соображениями, которые целиком вписывались в логику системы. По существу перестройка замышлялась как простое обновление старого порядка в соответствии с идущими от царя Гороха традициями российских реформ.

Горбачевская перестройка фактически начиналась в русле прежних российских модернизаций. Она представляла собой ряд административно-технократических мер, которые, по замыслам их творцов, должны были укрепить порядок и дисциплину, покончить с кознями “зеленого змия”, активизировать “человеческий фактор”, провести массовую компьютеризацию, чтобы “обеспечить ускорение” отсталой и неэффективной экономики и повысить обороноспособность страны вкупе с повышением уровня жизни. Все эти цели вполне соответствовали, с одной стороны, чаяниям технократов военно-промышленного комплекса, с другой — укоренившимся в общественном сознании мифологемам о природе, возможностях и перспективах советского общества.

В социально-психологическом плане перестройка поначалу опиралась на “негативный консенсус”, сложившийся в бывшем Советском Союзе к середине 1980-х гг., понимание того, что “так жить нельзя”. Однако при этом большинство населения выступало лишь за наведение порядка, большую социальную справедливость, искоренение злоупотреблений властью, т.е. по существу за провозглашенное Ю.В.Андроповым “совершенствование развитого социализма”.

Обвинения в адрес отцов перестройки в том, что они пустились в опасное плавание по морю реформ без всякой проработанной программы преобразований, несомненно, справедливы. Однако столь же справедливо и то, что такая программа им была не нужна, ибо они собирались первоначально действовать в рамках сложившейся системы, лишь подновляя на ходу ее отдельные узлы и части. В результате безуспешных попыток перестроить неперестраиваемое страна оказалась от реальной модернизации дальше, чем в годы застоя. Конечно, историкам еще предстоит разобраться, как соотносились между собой в политике Горбачева реформаторство и необходимая осторожность, собственные иллюзии и сопротивление реформам со стороны аппарата, заурядная нерешительность и естественная политическая гибкость. Однако очевидно, что ни он, ни его ближайшие сподвижники, надо полагать, не понимали, что система, в которой были сплавлены воедино экономика, политика и идеология и где использовались преимущественно административно-политические и идеологические методы принуждения к труду, при саморазложении и разрушении старого политического и идеологического аппарата стихийно могла перерасти только в собственную противоположность — дикий, архаичный капитализм, либо, в лучшем случае, в госкапитализм с элементами социал-демократической,

кейнсианской модели (25). Задача состояла в том, чтобы придать этому перерастанию целенаправленный и цивилизованный характер, заложить в него тенденции, открывающие дорогу к последовательной и органичной модернизации страны.

Но вместо того, чтобы кропотливо выращивать ростки альтернативной экономики на основе имеющегося потенциала, прежде всего в сельском хозяйстве, четко осознать реалии общества и его перспективы, приступить к изменению/демонтажу КПСС — “ядра политической системы”, формировать широкое перестроечное движение, определив социальную базу реформ, Горбачев и правительство Рыжкова милостиво согласились допустить такую альтернативу лишь в порах существующего порядка. Зажатые между бюрократическим произволом и монополизмом государственных экономических чудищ, кооператоры и новые предприниматели пустились во все тяжкие, подталкиваемые монопольно низкими ценами на продукцию госпредприятий и хроническим дефицитом к спекулятивно-посреднической деятельности. Таким образом сохранялась, разваливаясь от собственной неповоротливости, старая система, на которой успешно паразитировала, ничуть не покушаясь на ее монополизм, “новая”. Единственная вольность, которую получили госпредприятия по Закону о предприятии 1987 г., — это право самостоятельно устанавливать “договорные” (=монопольные) цены на часть своей продукции и определять уровень заработной платы. Доходы людей стали выходить из-под административного контроля, а рыночного контроля за ними не было. Все это наложило на необоснованный рост социальных расходов государства вместе с продолжающейся практикой щедрого финансирования инвестиций и ВПК, после чего оставалось только постоянно увеличивать выпуск в обращение новых бумажных дензнаков. Маховик инфляции и тотальной спекуляции, побившей все рекорды по этой части брежневских времен, получил колоссальное ускорение.

Мы сознательно оставляем здесь в стороне политические и идейные аспекты перестройки, противостояние ортодоксов и реформаторов, партократов и демократов. Они, безусловно, повлияли на ход событий, в некоторые моменты решающим образом. Но сама идейно-политическая конфронтация в обществе была вызвана по преимуществу тем, что реальные, давно назревшие реформы в направлении модернизации не проводились.

Игнорировалась ли вообще проблема модернизации горбачевским руководством? Нет, так утверждать нельзя. Сколько бы ни ругали Горбачева, он все же был первым из послевоенных руководителей, кто не только говорил о модернизации бывшего Советского Союза на новой, соответствующей концу XX века основе, причем в совокупности с радикальными изменениями общественных отношений, политики и идеологии, но и пытался на деле приступить к такой модернизации, начав ее с политической системы. Необходимость модернизации осознавалась и таким деятелем, как последний премьер-министр бывшего СССР В.С.Павлов. (Парадоксально, что меньше всего о модернизации говорили в демократических кругах, сводя все преобразования к реформам в направлении рынка и политической демократии). Однако никто из деятелей горбачевской перестройки не предложил цельную долгосрочную программу модернизации страны с пер-

спективной постиндустриализации. Исключение составил, пожалуй, лишь Ю.А.Прокофьев, да и то на уровне политической декларации. Можно с уверенностью утверждать, что все программы модернизации, даже если бы они и были разработаны творцами перестройки 1985 г., оказались обреченными на неудачу, поскольку их авторы в силу своего прошлого не могли бы подняться до адекватного осмысления как процессов постиндустриализации, так и природы советского общества, чтобы сделать из этого соответствующие выводы. Однако не было и не могло быть подобной программы и у демократов хотя бы потому, что демократы, как и бывшие коммунисты, находятся в плену старых универсалистских представлений об этих процессах и не задумываются о роли социокультурных и исторических факторов в современной модернизации. Правда, есть и другие, более весомые, чем сохранение тех или иных стереотипов сознания, причины, по которым демократы в своем большинстве не заинтересованы в программах модернизации. Это, мягко говоря, их оторванность от реальных проблем экономики и ставка на те круги предпринимателей, которым в российских условиях никакая модернизация не только не нужна, но и опасна.

И все же почему через семь лет после начала перестройки ее итог сложился отнюдь не в пользу провозглашенных ее инициаторами благородных целей, несмотря на очевидные перемены по части духовной свободы и политической демократизации? Ответ на этот вопрос, очевидно, надо искать в контексте более широкой проблемы: почему до сих пор все попытки обновления России, попытки вывести ее на уровень высокоразвитых в социально-экономическом отношении стран заканчивались серией контрреформ, откатом назад и очередным застоём? Не подтверждает ли судьба перестройки некую предопределенность в социальной судьбе России: за попытками осуществить прогрессивные преобразования всегда следовала эпоха реакции и исторического топтания на месте? (А. Янов, США) (26). На наш взгляд, дело здесь не в таинственной судьбе России, а в специфической природе советского общества. Непонимание этой природы — главная ошибка архитекторов перестройки, которая повлекла за собой целую серию других ошибок и просчетов и привела к тому печальному итогу, который мы сейчас наблюдаем.

V. Характер российского общества и возможные варианты его развития

Если смотреть на уровень промышленного развития, формальные показатели урбанизации, производства основных видов промышленной продукции (в абсолютных объемах и на душу населения) угля, нефти, электроэнергии, стали, тракторов, если учитывать, далее, характер технологии и труда на большинстве российских промышленных предприятий, то можно с полной уверенностью утверждать, что несмотря на сохраняющуюся огромную долю ручного труда и в промышленности, и в строительстве, и особенно в сельском хозяйстве российское общество в целом — это общество индустриальное, пусть и крайне неэффективное в экономическом плане. По технико-экономическому развитию и преобладающей производственной

технологии оно соответствует тому обществу, которое сложилось в развитых странах Запада в первой половине XX в. В то же время в России есть крупные предприятия радиоэлектронной промышленности, атомная энергетика, развитая аэрокосмическая индустрия, а это даже при низкой культуре производства и плохом качестве продукции выходит далеко за рамки обычного индустриального производства.

Однако, несмотря на общепризнанные успехи в данных отраслях, в России до сих пор сохранялось внеэкономическое (т.е. докапиталистическое) принуждение к труду и соответствующее феодализму, а в некоторых отношениях и азиатскому способу производства регулирование общественного воспроизводства, управление государством и контроль за поведением людей (прописка, наборы на работу по лимиту, ведомственное распределение жилья и прочие реликты эпохи отношений личной зависимости). В России невиданный размах приобрела маргинализация огромных масс населения, лишенных какой бы то ни было собственности и ставших жертвами экономического и правового произвола ведомств-монополий и чиновников (27). Эта объективная, социально-экономическая, маргинализация ныне дополняется маргинализацией субъективной, вызванной утратой огромной частью населения своей самоидентификации с мощным государством, с принадлежностью к числу граждан великой державы вследствие ее развала и поражения в "холодной войне".

Наконец, по уровню и характеру своего общественного сознания, социально-культурным традициям российское общество в значительной степени представляет собой общество "третьемировского" типа с ярко выраженными наклонностями к уравнилельности, патернализму и социальной пассивности, псевдоколлективизму патриархальной общинности. До сих пор большинство населения России не обладает тем рационалистическим мышлением, которое со времен Реформации присуще западному человеку и без которого не может сложиться в полной мере настоящий субъект рыночных отношений. Поныне средний российский индивид не умеет соизмерять затраты и результаты своего труда, не умеет сопоставлять затраты времени на разные виды своей собственной деятельности, не задумывается об эффективности этой деятельности, живя зачастую лишь сегодняшним днем и не представляя себе последствий тех или иных усилий.

Вместе с тем следует иметь в виду, что десятилетия тоталитаризма и его медленного загнивания (особенно правление Л.И.Брежнева) оставили глубокий след в российском общественном сознании. Известно, что тоталитаризм как режим, который может существовать лишь на индустриальной основе, разрушает элементы традиционного общества, хотя сам он и возникает вследствие реакции его маргинальных масс на наступление индустриальной эры с ее рыночной экономикой, формализованными, обезличенными отношениями между людьми и отчужденным трудом. Тоталитаризм разрушает свойственную общине взаимоподдержку людей, их чувство общности и взаимной защищенности. Он оставляет человека один на один с государственной машиной, которая берет на себя обязанность казнить и миловать, награждать и бросать в небытие, предписывать правила поведения и социальные нормы. Фактически при тоталитарном режиме государ-

ство берет на себя функции, которые даже при азиатском способе производства брали на себя общины, касты или сословные корпорации. Следовательно, человек по существу привыкает к тому, что государство "все должно" и "все может" сделать. Разрушая положительные черты человека традиционного общества, тоталитарная система усиливает как раз его отрицательные черты: иждивенчество, пассивность, тягу к уравнительности, не говоря уже о многих явно порочных чертах, связанных с маргинализацией. Лишь благодаря тому, что советская тоталитарная система, отвергая рынок как форму общественной связи, невольно должна была воспроизводить элементы традиционного (добуржуазного) общественного устройства, она невольно и создавала собственные социальные противовесы в виде таких элементов и соответствующих им социальных норм и стереотипов общественного сознания. И если "советский человек" все же не был на сто процентов пресловутым "homo sovieticus", что по сути означало бы полную деградацию, то это в большой мере обусловлено, с одной стороны, сохранением черт традиционности в общественном устройстве СССР, с другой — развитием индустриального производства, науки, техники, образования, которые, несмотря на все извращения, играли огромную цивилизующую роль в жизни советского общества.

Таким образом, общество современной России представляет собой сложный конгломерат элементов самых разнообразных общественных отношений. Его можно определить как некий симбиоз традиционности, даже азиатского (этатистского, т.е. государственнического) способа производства с индустриализмом, как менеджериально-индустриальное (иначе говоря, чиновничье-индустриальное) (К.Виттфогель, Германия, США) или традиционно-индустриальное общество (В.Заславский, США) (28).

Отсюда следует, что ни одна из известных поныне в мире моделей модернизации не применима в полной мере в России, да и в других государствах на территории бывшего СССР. Россия не может копировать опыт не только органичных модернизаций, которые в разные годы осуществлялись в развитых странах, но и неорганичных, догоняющих модернизаций развивающихся стран. В частности, опыт Китая, при всей его привлекательности для нас, неприменим полностью в России, потому что в Китае к началу модернизации преобладало аграрное население и первый шаг по пути реформ, либерализация цен на сельскохозяйственную продукцию вместе с расширением хозяйственной самостоятельности китайских крестьян, сразу создал широкую социальную опору обновления, поскольку свыше трех четвертей населения заметно улучшили свое положение. Не подойдет России и опыт модернизации Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии, в частности, и в силу несопоставимости размеров территорий, и в силу существования там особой трудовой этики, при которой труд расценивается не как необходимая утилитарная деятельность, а как самостоятельная ценность, путь человека к самосовершенствованию и достижению желанной гармонии с внешним миром. Нельзя заимствовать целиком и опыт модернизации такой крупной страны, как Бразилия, где при сохранении черт традиционного общества издавна развивался институт столь не любимой в России частной собственности, а в модернизации

большую роль сыграли иностранные капиталовложения. И уж тем более вряд ли можно ожидать, что модернизацию России можно осуществить путем “внедрения” западных, либеральных программ развития рыночных отношений.

Мы заявляем об этом не потому, что отвергаем западную модель развития как якобы порочную с самого начала. Наоборот, мы убеждены в том, что именно западноевропейская цивилизация вместе с ее североамериканским ответвлением сыграла решающую роль в освобождении всего человечества от слепой зависимости от сил природы, хотя это освобождение и сопровождалось коварной ухмылкой Мефистофеля. И именно западная цивилизация сделала историю отдельных стран и народов поистине всемирной историей, подведя человечество к порогу грандиозных социальных и духовных перемен. Однако, и это главная причина непригодности в России западных моделей развития, у нас не сложился до сих пор тот социальный субъект — фаустовский тип личности, который в своей ипостаси “экономического человека” придал всему миру колоссальный динамизм.

Начало рыночных реформ скорее всего не приведет к желаемому результату, особенно в обозримом будущем. Развитие рыночных отношений само по себе не позволит России обрести статуса современной державы, включить ее в процесс мирового развития, обеспечить высокое качество жизни людей. Социально деформированный, “полуэкономический” человек может породить лишь уродливый, деформированный рынок по образу рынка отсталых стран. Добавим к этому и крайне “тяжелую” структуру экономики, засилие разваливающегося сейчас ВПК, обломки которого могут похоронить под собой всю страну, преобладание в экспорте нефти, газа и других сырьевых ресурсов, неконкурентоспособность подавляющего большинства товаров на мировых рынках, безынициативность большинства людей, развернувшуюся вовсю бюрократическую “прихватизацию” бывшей государственной собственности и мы получим все условия “африканизации” страны, превращения России в новый гигантский Заир, где пустил корни государственно-бюрократический (и не предпринимательский, а компраторский) капитал с коррумпированными чиновниками и, несмотря на прозападную ориентацию и богатейшие природные ресурсы, процветают нищета народа и экономическая преступность, а некогда вполне благополучные при бельгийцах города приходят в запустение. Очевидно, что в такой “рыночной системе” самим реформаторам места, скорее всего, не найдется, а главными социальными актерами на сцене российской истории станут разного рода мафиози, продажные бюрократы и жулики, которым для охраны наворованного добра от праведного народного гнева понадобится жестокая диктатура.

Конечно, “заиризация” России отнюдь не предопределена историей. Россия обладает интеллектуальным, научно-техническим потенциалом, который многократно превосходит потенциал любой, даже сравнительно благополучной, развивающейся страны. Но даже самый мощный потенциал можно растерять в считанные годы и месяцы — этот “процесс пошел” с головокружительной быстротой. Ответной реакцией на ускоренную вестернизацию России может стать отторжение каких-либо либерально-демокра-

тических идей в сознании народа, помноженное на социальную ненависть к новоявленным “богатеям”. В результате мы можем получить повторение иранской революции в православном варианте. Не будем забывать, что основным фактором этой революции стало социокультурное отчуждение народа перед лицом насильственной модернизации Ирана, которую проводил шах Мохаммед Реза-Пехлеви. Тогда Россию ждет установление традиционного, аграрного авторитаризма, проводящего деурбанизацию, деиндустриализацию и “деинтеллектуализацию”. Новые Трофимы Денисовичи Лысенки, “народные академики”, не заставят себя долго ждать, а на роль православного Хомейни могут призвать русского писателя из Вермонта, хотя сам он, скорее всего, даже и не помышляет об этом. В таком случае с мечтами о процветающей России можно будет расстаться навсегда, а Западу придется иметь дело с непредсказуемым евразийским гигантом, нищим, но полным великодержавных амбиций.

Нельзя исключить и раскола России на ряд самостоятельных государств при сохранении общности языка и культуры, как это произошло с испанскими колониями в Южной Америке еще в начале XIX в. Причем такой раскол может произойти не только и не столько по национальному признаку, сколько по региональному, вследствие острых социально-экономических коллизий, которые неизбежно будут нарастать, если правящие демократы будут настаивать на продолжении своего квазилиберального экономического курса. Причем такую “регионализацию” не следует путать с объективной тенденцией к большей хозяйственной и административной самостоятельности регионов, характерной для ряда высокоразвитых стран, где такая тенденция является формой демократизации хозяйственной жизни. Очевидно, что подобный исход реформ создаст крайне неустойчивую геополитическую и социальную обстановку на всем евразийском материке. В этом случае будет существенно заторможен социально-экономический и духовный прогресс и развитых, и новых индустриальных стран Северной Америки, Западной Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии, ибо им придется противостоять доброму десятку раздираемых внутренними передрягами государств с ядерным оружием.

При всем том, что на Западе, безусловно, существуют круги, заинтересованные и в раздроблении России, и в ее “заиризации”, в превращении ее в мировую свалку производственных отходов, в рынок сбыта устаревшей и залежалой продукции, круги, опасющиеся появления в будущем на мировых рынках нового мощного конкурента, Запад в целом вовсе не стремится, чтобы осуществилась такая перспектива. В развитых странах пробивает дорогу тенденция к тому, чтобы осознать ясную истину: сохранение отсталости России, как и отсталости так называемого “третьего мира”; — одно из серьезных препятствий для стабильного развития самого Запада, для решения множества глобальных проблем, поэтому объективно, в долгосрочной перспективе Запад заинтересован в том, чтобы Россия стала его равноправным партнером и заняла достойное ее потенциала место в международном разделении труда.

Развитие рыночных отношений, предпринимательства, конкуренции составляет лишь одно из необходимых условий модернизации. На самом

деле модернизация (и тем более постмодернизация) предполагает целый комплекс экономических, культурных, социальных, политических и других преобразований, направленных на вхождение России в русло общемирового развития. Трудность решения этой задачи очевидна. Мы считаем, что у России гораздо больше шансов вообще не приступить к модернизации, даже ограниченной, чем успешно провести ее. В конечном счете это угрожает тем, что само понятие “Россия” исчезнет с географической карты и останется лишь в памяти народов. Столь неутешительный для российского самосознания вывод вытекает из анализа характера российского общества, из многочисленных фактов и общественных тенденций последних лет, которые лишь подтверждают полное отсутствие элементарного здравого смысла как у масс рядовых граждан, так и у политических лидеров.

Тем не менее у России есть шансы осуществить модернизацию. И эти шансы необходимо использовать. У России есть мощный наудотехнический и экономический потенциал, богатейшее культурное наследие, образованные люди, инженерный корпус, способный к неординарным техническим решениям, колоссальные природные ресурсы, талантливые ученые. Нельзя забывать и о благоприятном геополитическом положении России — о географической близости к двум динамичным регионам планеты: к Западной Европе и Восточной Азии. Но при этом России предстоит повернуть ход своего развития в том историческом направлении, в котором следуют и Северная Америка, и Западная Европа, и Восток и Юго-Восток Азии, и страны к югу от Рио-Гранде. Ибо при всех их социокультурных и исторических своеобразиях общая составляющая их развития состоит в становлении постэкономической общественной формации, постиндустриального общества. Это направление мирового развития и должно стать стратегическим ориентиром для обновления России.

VI. Постиндустриальное общество — стратегия российской модернизации

Принято считать, что постиндустриальное общество предполагает широкую автоматизацию производства, применение роботов и ЭВМ, наукоемких технологий и т.д. На самом деле главное содержание перехода к постиндустриальному обществу заключается не в автоматизации производственных процессов, не в массовой компьютеризации и информатизации или внедрении биотехнологий. Это лишь внешние, хотя и важные формы проявления постиндустриализации.

Если первый этап НТР (1950–1960-е гг. в развитых странах) был связан с ростом потребления трудящихся, с превращением их в “общественно развитых индивидов”, то нынешний, второй этап, получивший название “микрoэлектронной революции”, с индивидуализацией процесса труда, превращением его, по крайней мере для заметной части общества, в разновидность творческой деятельности, средство самореализации, а также с гуманизацией и демократизацией, пусть противоречивой и неравномерной, всех сторон общественной жизни. Вместе с тем, в перспективе, постиндустриальное общество это общество постэкономическое, поскольку в нем

преодолевается господство экономики (производства материальных благ, средств к жизни) над людьми и основной сферой жизнедеятельности становится развитие человеческих сил и способностей (К.Маркс), производство и возвышение самого человека, совершенствование его личностных качеств, подлинная “человеческая революция” (А.Печчеи) (29).

Становление постиндустриального общества представляет собой глубочайшую социальную, экономическую, технологическую и духовную революцию, которую по своему значению можно сравнить с неолитической революцией в начале человеческой истории. Она означает, как говорил Г.Маркузе, “конец утопии”: казавшаяся ранее утопической идея освобождения человека от власти экономической целесообразности, от отчуждающего труда, от необходимости зарабатывать хлеб в поте лица — эта идея ныне начинает осуществляться на практике в наиболее развитых странах мира (30). Да, речь пока идет лишь о начале, о зарождении тенденции к такому освобождению. Но это начало стало уже весьма зримым и отрицать его невозможно. Между тем ни либералы, ни консерваторы—традиционалисты, ни приверженцы социализма в России до сих пор не замечают начала перемен в развитой части мира и не сделали из этого для себя никаких выводов — вопиющее проявление политического провинциализма, результат многолетней изоляции страны от внешнего мира (31).

Как всякая глубокая революция в прошлом на Западе, современная постиндустриализация началась прежде всего как революция сознания (Ж.Ф.Ревель, Франция, Ч.Рейх, США) (32). С изменения ценностных ориентаций активного меньшинства от “иметь” к “быть” (Э.Фромм, США) (33) — от стремления к приобретению материальных благ к стремлению к самовыражению, от господства над природой к гармонии с природой, от взгляда на труд как на средство зарабатывать деньги к пониманию труда как средства реализовать свои способности и самоутвердиться — началось становление постиндустриального общества. В процессе этого становления изменяется ведущий социальный тип личности западного человека и характер общественных отношений. Его можно определить как “богатую индивидуальность”, “многомерного человека” (34). У него есть возможность выбора между работой по найму и собственным бизнесом, между различными способами самовыражения и материальным успехом. Соответственно человек может выбирать и строить по своему усмотрению и те отношения, в которые он вступает с другими людьми. Они все меньше и меньше слепо господствуют над ним, как это было в эпоху индустриального капитализма.

Ныне в России стало модным умиляться по поводу наблюдаемого сейчас в развитых странах “рыночного ренессанса” и демонтажа социал-демократической, кейнсианской модели функционирования экономики. На самом деле за “рыночным ренессансом” стоит колоссальное развитие нерыночной сферы: системы социальной защиты, образования, здравоохранения, культуры и, что очень важно, домашнего труда по воспитанию, “производству” человеком самого себя и своих детей, труда непосредственного общения (35). Благодаря росту личного потребления и “государству благосостояния”, т.е. кейнсианским методам экономического регулирования, шло колоссальное накопление “человеческого капитала”, которое сейчас в Америке в 3–4

раза (в денежном выражении) превышает накопление капитала в его материально-вещественных формах. Именно это накопление способствовало формированию новых, постматериальных потребностей людей, в здоровой окружающей среде, хорошем образовании, доступе к ценностям культуры, в самореализации, преодолении отчуждения, удовлетворить которые “государство благосостояния” было неспособно. В то же время оно обусловило расширение свободы выбора, в том числе возможности заниматься самостоятельным бизнесом, осуществив “американскую мечту”: большинство новых предпринимателей в наукоемких отраслях производства еще недавно работало по найму в крупных корпорациях, оказавшихся на новом этапе НТР плохо восприимчивыми к научно-техническому прогрессу. Причем предпринимательство нередко оказывается не только средством достижения материального благополучия, но и способом самореализации, источником морального удовлетворения, сферой приложения творческих способностей (36)

Характерной чертой формирующегося постиндустриального общества становится двухэтажная, двухсекторная экономика, состоящая из сектора производства материальных благ и услуг, где доминируют рыночные отношения, и сектора “производства человека”, где осуществляется накопление “человеческого капитала” и не остается места рыночным отношениям (О.Тоффлер, США, Ю.Васильчук, Россия) (37). Причем развитие сферы “производства человека” все больше определяет развитие и структуру рынка, динамизм экономики и конкурентоспособность страны в мире. При этом “производство человека” все меньше является прерогативой “социального государства” и все больше — самого гражданского общества: органов местного самоуправления, общественных ассоциаций, наконец, самих граждан.

Важнейшей сферой “производства человека”, где начинается накопление “человеческого капитала”, стали домашние хозяйства. В связи с этим институт семьи начинает играть качественно новую роль, а в общественном сознании укрепляется понимание того, что домашний труд (в особенности воспитание детей) равен по своей значимости труду в общественном производстве (38). Да, нуклеарная семья как социальный институт индустриального общества переживает кризис. Рост числа разводов и не состоящих в браке одиноких взрослых людей — главные его проявления. Этот кризис обусловлен, во-первых, тем, что семейные связи приходят по существу в противоречие с устремлениями “богатой индивидуальности”, “многомерного человека”, мешают его самореализации. Во-вторых, семьи часто не выдерживают нагрузок, связанных с их функцией по накоплению “человеческого капитала”: возрастающие затраты труда по самосовершенствованию и воспитанию детей требуют роста заработков, а необходимость больше зарабатывать отвлекает от этого труда. Возникает проблема выбора, решить которую многие люди не могут, не разрушая семью (39). Распад семей ведет, в свою очередь, к тому, что вырастающие в них дети часто не обладают нужным для получения хорошего образования и работы духовным и интеллектуальным потенциалом, а это фактически обрекает их на бедность и неудачную жизнь. Выходом из кризиса семьи представляется изменение ее структуры, в частности появление так называемой “агрегатной семьи” (О.Тоффлер, США, К.Колланж, Франция) (40).

Уже повсеместно признана роль, которую играют образование и наука в постиндустриальном обществе. Вложения в них — одни из самых эффективных. Но наряду с образованием и развитием науки для технологического прогресса и экономического роста в современном мире огромно значение и самой высокой культуры в подлинном смысле слова (41). Неспроста в ведущих японских фирмах на курсах повышения квалификации рабочих изучаются, в частности, музыка И.С.Баха и живопись К.Моне, а в школах менеджмента — драматургия У.Шекспира и творчество Ф.Достоевского. И дело здесь не в таинственной альтруистической заботе японских предпринимателей о высокой духовности своих рабочих и служащих, а в самом обычном прагматизме — четком понимании того, что только высококультурный, духовно богатый человек способен к самостоятельному творчеству и высококачественной работе. Соответственно лишь тот менеджер может успешно управлять людьми, использовать наилучшим образом все резервы “человеческого фактора”, который осознает сложность человеческой психики, умеет понять внутренний мир окружающих его людей, руководствуется четкими нравственными критериями, а этому лучше всего учит Великая литература.

Наоборот, терпимость к различным проявлениям бескультурья, распространение массовой культуры — верные признаки того, что нация отсекает себя от мирового процесса постиндустриализации, обречена на прозябание в нищете и убогости.

Культура, наука, информация всеобщее достояние. Они не могут быть монополизированы ни отдельным человеком, ни корпорацией, ни исследовательским центром, ибо тогда они перестают эффективно “работать”. Ценности культуры, наука, информация, как только их “запускают” в производство, становятся подлинно общественной собственностью (Д. Белл, США) (42). В то же время наука, информация, ценности культуры не отчуждаются ни от их создателя (“производителя”), ни от того, кто ими пользуется, даже если являются предметом купли-продажи. (На них не распространяются ни закон трудовой стоимости, ни закон предельной полезности в качестве основы цены.) Следовательно, эта общественная собственность является индивидуальной для каждого, кто пользуется ею. Таким образом, для постиндустриального общества характерно единство индивидуальной и общественной (но не государственной!) собственности на основной “продукт” и “производственный ресурс”.

“Многомерному человеку” постиндустриального общества соответствует новая система управления и производством, и всей общественной жизнью в целом. Такой мотив к труду, как высокая заработная плата, переместился с первого-второго места, которое он занимал еще три-четыре десятилетия назад, на пятое-седьмое среди других мотивов к труду, пропустив вперед содержание труда, возможность самореализации, перспективы профессионального и социального роста, психологический микроклимат в фирме и др. (43). Наряду с экономическим принуждением и стимулированием все большее значение приобретает социальное регулирование деятельности людей.

Новая трудовая мотивация неотделима от экономической демократии, в том числе сознательного участия работников в принятии решений и

управлении производством, а также от мер по гуманизации труда, которые становятся не только средством достижения согласия между работодателями и персоналом, но и в буквальном смысле технологической и производственной необходимостью, поскольку без них и нечего думать об активизации инициативы, стимулировании заинтересованности рядовых работников в высококачественной и творческой работе (44). “Автономные бригады” (Швеция), “кружки качества” (Япония), “группы выражения мнений” и “проекты предприятий” (Франция, Испания) и другие формы привлечения работников к управлению производством в самых разнообразных сочетаниях становятся повседневным явлением на современных предприятиях. Одновременно меняется и роль менеджера, предпринимателя. Из заурядного хозяина-собственника или надсмотрщика-погонялы, противостоящего наемному персоналу, он превращается в советника-консультанта, организатора творческой деятельности работников, координатора их индивидуальных устремлений (45).

128 Развитие “многомерного человека” сопровождается глубокими переменами в структуре экономики развитых стран. Рост сферы “производства человека” сопровождается относительным и абсолютным сокращением числа занятых в производстве материальных товаров и услуг. Если в 1980 г. в обрабатывающей промышленности США было занято 28% всей рабочей силы, то к 2000 г. их доля сократится до 10–11%, а к 2025–2030 гг. составит около 3% (46). Соответственно возрастает число и доля тех, кто занят созданием и обработкой различного рода информации. Благодаря компьютеризации управление металлургическими или химическими процессами из дома через ЭВМ, массовое производство автомобилей по индивидуальным заказам, поступающим через электронные информационные сети, и другие чудеса из области фантастики постепенно становятся реальностью в постиндустриальном обществе.

Изменения в характере труда и структуре занятости приводят к радикальным сдвигам в социальной структуре общества. Она выглядит менее поляризованной, чем в индустриальном (капиталистическом) обществе, и в то же время более мозаичной и подвижной. В целом постиндустриальное общество — это гражданское общество на базе развития индивидуальной/интеллектуальной собственности (47). Вместе с тем гуманизация и интеллектуализация труда, как и сокращение традиционного рабочего класса, ведут к тому, что сужается социальная база профсоюзов, которые оказываются ненужными для защиты интересов работников: современный труженик, обладающий порой уникальной по сложности и квалификации рабочей силой, способен самостоятельно отстаивать свои интересы перед лицом работодателей.

“Многомерный человек” постиндустриального общества не идентифицирует себя с какой-то определенной идейно-политической силой или партией. Отсюда проистекает (наряду с кризисом профсоюзов) кризис классических политических партий, институтов представительной демократии, доверие к которым постепенно уменьшается. Параллельно идет поиск новых форм человеческих взаимоотношений (взаимоподдержки, местного самоуправления и т.д.), новой коллективности на основе развития индиви-

дуальности людей. Появляется тенденция к постепенной замене партий массовыми общественными движениями, которые складываются вокруг конкретных гражданских инициатив: охраны окружающей среды, защиты прав потребителей от монополистических поползновений производителей, движения родителей за улучшение качества школьного образования и т.д. (48). Старые партии как бы сосуществуют с этими движениями; некоторые из движений превращаются в политические партии ("зеленые"), хотя во многом и не похожие на своих политических конкурентов (партии-движения). Соответственно наряду с институтами представительной демократии складываются институты гражданского самоуправления. В сочетании представительной и низовой (прямой) демократии состоит важная тенденция развития политической системы постиндустриального общества (49).

Было бы наивно полагать, что общество в развитых странах являет собой идиллическую картину всеобщей благодати и беспроблемного житья-бытья. Во-первых, пока это общество переходного типа: оно несет в себе черты как индустриальной (капиталистической), так и постиндустриальной (посткапиталистической) эпохи. Оно еще не стало в полной мере постиндустриальным, и его переходное состояние сохранится достаточно долго. Поныне десятки миллионов людей даже в самых развитых странах, как в США и Японии, заняты простым трудом и подвергаются самой обычной капиталистической эксплуатации. Обширные районы и в Америке, и в странах Европы остаются вне поля досягаемости постиндустриализации, а социальная структура их населения по существу мало отличается от той, которая была там полвека назад. Параллельно с развитием чудопредприятий будущего, где человеку отведена роль контролера за роботами, за последние полтора десятка лет получили распространение полулегальные фирмы, рассеянные мануфактуры конца XX в., где нет ни профсоюзов, ни социальных прав у работников. До сих пор серьезной проблемой остается функциональная и даже полная неграмотность рабочих в США и странах ЕС (50). Естественно, это тормозит процесс постиндустриализации, консервирует старые отношения и технологию, следовательно, и старые конфликты: между трудящимися и предпринимателями, а также между банковским капиталом и промышленным, между собственниками и менеджерами, между конкурирующими друг с другом крупными корпорациями, в том числе и ТНК разных стран.

Во-вторых, на смену старым социальным конфликтам приходят новые: между технократией и массовыми демократическими движениями вроде "зеленых", между сторонниками дальнейшей постиндустриализации и приверженцами индустриальной системы и т.д. (51). В настоящее время, по мере размывания межклассовых границ, главным становится конфликт между благополучными двумя третями и неблагополучной, не успевающей за НТР третью общества, в которую входят и часть старых средних слоев, и значительная часть индустриального рабочего класса, и маргинальные слои. Современное общество не нашло пока ни экономических, ни социальных рычагов их включения в структуру постиндустриального производства.

Вместо старых, преодолеваемых ныне форм отчуждения (от труда, участия в управлении), появляются новые: работа с компьютером на дому

ведет к замкнутости людей, лишает их возможности неформально общаться друг с другом, а “опьянение работой” (увлеченность своим трудом) отвлекает людей от дома и способствует разрушению семейных связей.

Помимо внутренних проблем складывающееся постиндустриальное общество сталкивается и с проблемами внешними. Так, успешное решение высокоразвитыми странами Запада экологической проблемы зачастую сопровождалось выводом грязных, индустриальных производств в менее развитые страны. Постиндустриализация пока не разрешила и конфликт по линии “Север—Юг”, угрожающий международной стабильности. Между тем отсталость Юга сдерживает развитие международного разделения труда, рынков новой, наукоемкой продукции, следовательно, негативно сказывается на положении центров постиндустриализма.

Однако, несмотря на все противоречия и препятствия, процесс постиндустриализации захватывает в свою орбиту все новые и новые страны, что объективно ведет к становлению нового мирового порядка.

Новый миропорядок на постиндустриальной основе вовсе не предполагает, что мир должен быть унифицирован по единому, западному или восточноазиатскому, образцу. Напротив, этот миропорядок может сложиться только как органичное единство многообразия цивилизаций. Роль социокультурных особенностей каждой страны, каждого крупного региона планеты в процессе становления постиндустриального общества не ослабевает, а наоборот, возрастает, поскольку в постиндустриальном обществе как никогда в истории велико значение духовного производства, которое опирается на культурные традиции прошлых эпох. Это обстоятельство в перспективе может и должно стать новой основой международного разделения труда и единой всемирной системы жизнеобеспечения мирового сообщества.

Мы считаем, что следующий, по существу третий, этап научно-технической революции, который явится ответом на кризис нынешних мирохозяйственных связей и нерешенных до сих пор глобальных проблем (особенно экологической и проблемы отсталости развивающихся стран), будет характеризоваться развитием биотехнологий, производств на базе наук о живой природе (биологии, биохимии, физиологии животных и растений, бионики, генетики и т.д.). Между тем освоение и практическое применение биотехнологий в наибольшей степени отвечает культурным традициям стран Востока, особенно Юго-Восточной и Южной Азии, где испокон веков существовало благоговейное отношение к живой природе и допускалось лишь такое воздействие на нее, которое основывалось на использовании внутренних механизмов ее собственного функционирования. Это означает, что при условии развития социально-экономической инфраструктуры и системы образования Юго-Восточная и Южная Азия (в частности, Индия) могут совершить взлет к высотам постиндустриализма.

В то же время Запад останется источником новаций в области компьютерной техники, информатики, автоматизации механических процессов. Такая специализация соответствует, в свою очередь, традициям западной цивилизации. Очевидно, что развитие “микроэлектронной революции” в странах Запада является и техническим условием, и одновременно необхо-

димым дополнением постиндустриализации Востока. В этом смысле компьютеризация и информатизация материального производства, науки, образования может стать важным фактором преодоления отсталости развивающегося мира, по крайней мере, значительной его части (Ж.Ж.Серван-Шрейбер, Франция) (52).

В системе будущего миропорядка, естественно, достойное место займет Восточная Азия (Япония, южные и восточные районы Китая, Корея, Тайвань), став своеобразным центром синтеза достижений Запада и Востока, очагом распространения новых технологий и знаний, особенно в области наук о самом человеке, что отвечало бы цивилизационным традициям этого региона.

Найдет ли Россия место в мировом постиндустриальном сообществе, соответствующее ее технико-экономическому потенциалу и социокультурным традициям? Нет ли в "загадочной русской душе" таких черт, которые бы соответствовали направлениям мировой постиндустриализации? Не отвечало бы этой загадочности, например, исполнение Россией такой важной и почетной функции (и одновременно крайне доходной), как роль главного покорителя космического и воздушного пространства, основного поставщика ракетно-космической и авиационной техники и технологии, "мирового Гефеста", добывающего не в подземелье, а в условиях внеземной стерильности и невесомости сверхчистые искусственные материалы?

Попытки ответить на эти вопросы имеют смысл, если Россия осуществит модернизацию и постмодернизацию на современной основе.

VII. Общая концепция российской модернизации и постмодернизации

131

1. Постиндустриализация России и ее общие условия

Модернизация России должна быть направлена в конечном счете на создание условий для постиндустриализации (т.е. постмодернизации). В противном случае она теряет смысл, поскольку не решает на современном уровне ни одной из возникших перед Россией проблем, в том числе и проблемы отсталости по сравнению с развитыми и новыми индустриальными странами. Стратегия российского обновления должна ориентироваться не просто на вхождение в постиндустриальную стадию общественно-исторического развития, а на то, чтобы сработать, так сказать, на опережение, учитывая не сегодняшней, а завтрашний день мировой науки и техники, мирового социокультурного прогресса и политических структур. Если не ориентироваться на завтрашний день, довольствуясь лишь повторением сегодняшних чужих достижений, то модернизация так и не выведет Россию на соответствующий эпохе уровень развития, а значит, не позволит обеспечить и современное качество жизни. Только та страна в условиях целостного и внутренне взаимосвязанного мира, глубокого международного разделения труда может рассчитывать на высокое качество жизни своего народа, которая благодаря этому разделению труда способна получать сравнительные преимущества. Это означает, по крайней мере, что по ряду

важных видов современной продукции Россия должна выйти на передовые рубежи научно-технического прогресса и стоять вровень с конкурентами или опережать их.

Российская модернизация (постмодернизация) должна учитывать:

- направления и перспективы мирового социального и научно-технического прогресса;
- характер российского общества, его потенциальные возможности и условия их реализации;
- социокультурные особенности России, адекватность технологических и управленческих решений, с одной стороны, и социокультурных традиций — с другой (А.Турен, Франция, А.Абдель-Малек, Египет) (53);
- исторический опыт прошлых российских модернизаций.

В то же время, разрабатывая общую концепцию российской модернизации, необходимо иметь ввиду ряд общих условий научно-технической революции, осуществление которых как раз и достигается в процессе модернизации и постмодернизации. Это:

- изменение структуры экономики, переориентация хозяйства на современные, наукоемкие отрасли, а также те сферы общественного производства, которые непосредственно работают на удовлетворение потребностей людей, в том числе социально-экономической инфраструктуры, сферы обслуживания, что требует соответствующих изменений и в структуре капиталовложений;

- создание рыночного, т.е. конкурентного, антимонополистического хозяйственного механизма, который бы побуждал предприятия "гоняться" за новинками научно-технической мысли, стараться внедрить их в производство и получить прибыль за счет снижения издержек, роста эффективности, а не за счет монопольного взвинчивания цен и раскручивания инфляции;

- складывание личной и общественной модели потребления, способствующей развитию субъекта модернизации, человека с современными потребностями, которые были бы мощным стимулом для производства;

- поворот всего общества и государственной политики в сторону культуры, форсированное развитие образования, переобучения людей новым профессиям, создание в обществе такой атмосферы, при которой у большинства людей возникала бы собственная потребность учиться, осваивать новые профессии;

- развитие личной и коллективной инициативы, становление нового типа работника, способного к самоорганизации и самодисциплине, изменение типа мышления, если не у всех, то, по крайней мере, наиболее активных людей, способных быть субъектами модернизации, для чего необходимо постепенное развитие демократии, в том числе и экономической.

Очевидно, что осуществление модернизации и тем более постмодернизации России возможно лишь в течение нескольких десятилетий. Оно предполагает работу, по меньшей мере двух-трех поколений людей. Нужно осознать, что пока России предстоит провести позднеиндустриальную модернизацию и стать по уровню жизни вровень с новыми индустриальными странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, которые при этом сами вовсе не собираются застыть на месте.

2. Социальный субъект модернизации?

Что касается постиндустриализации, то основная трудность заключается в том, что в России нет или почти нет ее социального субъекта. Социальная структура российского общества в целом неблагоприятна для постмодернизации. Ни государственные чиновники, ни большинство новых предпринимателей, ни большинство рабочих государственных промышленных предприятий, связи и транспорта, ни колхозное крестьянство, ни огромная армия служащих “квази-инженеров”, прозябающих в многочисленных конторах и управлениях, либо в принципе не заинтересованы в радикальном обновлении общества на постиндустриальной основе, либо не в состоянии стать субъектами такого обновления по самым разным причинам, как социально-экономического, так и психологического порядка. В постиндустриализации России непосредственно заинтересовано лишь незначительное меньшинство ее населения — те группы, которые одновременно могли бы стать и субъектами постмодернизации:

— наиболее образованная и квалифицированная часть научно-технической и гуманитарной интеллигенции, сосредоточенной в гражданских сферах, в частности, в фундаментальной науке, давно уже ориентирующаяся в своей работе на мировые стандарты, но до сих пор не получающая должного признания в стране;

— интеллигенция, высококвалифицированные рабочие и технократы из той части ВПК, которая способна по своему техническому и интеллектуальному потенциалу интегрироваться в мировой рынок и сыграть роль локомотива российской модернизации, стать вместо нефтегазодобывающего и лесного комплекса основным источником валютных поступлений страны (Й.Терборн, Швеция);

— узкий слой высококвалифицированных рабочих гражданских отраслей производства, часть производительных предпринимателей и фермеров, представителей банковских кругов, особенно вышедшая из рядов научно-технической интеллигенции, “предприниматели-доценты”;

— офицерский корпус, особенно тех родов войск, где используется новейшая боевая техника и где постоянно ощущается нехватка квалифицированных специалистов, т.е. та часть вооруженных сил, которая в перспективе может составить костяк кадровой, профессиональной армии.

Кроме того, ни сейчас, ни в обозримом будущем России не под силу осуществить полномасштабную постмодернизацию, даже если бы на это были брошены все ресурсы и России, и других стран Запада и Востока, потому что во всем мире просто нет средств для осуществления таких планов. Наконец, объективно нельзя приступать к постиндустриализации, не пройдя позднеиндустриальную стадию развития, которая призвана обеспечить материальные условия для постиндустриализации — создать индустрию массового производства предметов потребления и соответствующего оборудования.

Между тем для позднеиндустриальной модернизации в России есть неизмеримо более широкая социальная база, чем для постиндустриализации. В такой модернизации заинтересованы значительные массы индустриальных рабочих, инженеров—”середнячков”, которые еще не готовы к работе

“по-постиндустриальному”, но уже давно переросли оковы нашей причудливой социально-экономической системы, служащих госучреждений и госпредприятий, часть предпринимателей и занятых у них по вольному найму работников, т.е. все те общественные группы, которые так или иначе ориентируются на создание в России некоего подобия общества массового потребления, социального рыночного хозяйства. Разумеется, в России никогда не удастся создать общество массового потребления по западному образцу 1960–1970-х гг. Для этого просто нет ни исторического времени, ни необходимых энергетических и сырьевых ресурсов, нет “запаса прочности” у окружающей среды, которая уже основательно подорвана экономическим разбоем отечественных монополий, поэтому, создавая свой, российский вариант общества массового потребления, нам, возможно, стоит присмотреться скорее к опыту стран Юго-Восточной Азии, чем пытаться повторить опыт высокоразвитых стран Западной Европы и Северной Америки, которые успели воспользоваться благоприятным моментом для роста личного и общественного потребления в 1930–1960-е годы.

3. Модернизация и приватизация

134

Социальную базу для позднеиндустриальной модернизации можно было бы существенно расширить, приостановив процесс массовой маргинализации людей. Для этого необходимо покончить с засилием госсобственности, по возможности отсечь от процесса приватизации госчиновников и представителей теневой экономики, передать на первых порах предприятия в собственность трудовых коллективов, т.е. сделать как можно большее число людей реальными хозяйствующими субъектами. Пока что ход приватизации, особенно в крупных НПО и на заводах типа ВАЗа никак не соответствует задачам модернизации, ибо создает на предприятиях атмосферу монополистической корпоративности и застоя, следовательно, начисто отсекает их от научно-технического прогресса.

Конечно, далеко не все захотят и смогут стать собственниками даже в составе больших коллективов. Возникнут и проблемы социальной справедливости, поскольку стоимость основных фондов на разных предприятиях и в разных отраслях далеко не одинакова, а многочисленные категории работников — учителя, врачи, ученые и т.д. по существу будут вообще лишены собственности на средства производства. Мы не собираемся также априори утверждать, что коллективная собственность автоматически позволит преодолеть отчуждение работников от труда и побудит их сразу работать творчески, с “огоньком”, обеспечивая одновременно и социальную справедливость, и высокую экономическую эффективность. Весьма вероятно, что трудовая приватизация будет способствовать развитию группового, коллективного эгоизма, а коллективный эгоист-монополист порой ничуть не лучше для народного хозяйства, чем монополист под вывеской отраслевого министерства. Однако препятствием для негативных последствий трудовой приватизации могла бы стать мощная система противовесов в виде последующего открытого акционирования предприятий, жесткой финансово-кредитной политики, налогового регулирования, антимонопольного законодательства и т.д. Наконец, нельзя исключать, что со временем трудовые

коллективы предприятий сами предпочтут передать их в частные руки, в том числе иностранных инвесторов, если те сумеют обеспечить более эффективную работу и более высокие доходы за счет умелого хозяйствования. Как бы то ни было, но на первых порах передача предприятий в собственность трудовых коллективов позволила бы заинтересовать в проведении модернизации в России широкие массы людей.

4. Технокультурополисы: анклавы будущего

Однако Россия не может ограничиться, даже на начальных этапах модернизации, лишь теми преобразованиями, которые соответствуют позднеиндустриальному развитию. В таком случае историческое отставание России не было бы преодолено, а это чревато серьезными негативными последствиями для страны и всего евроазиатского континента. Но и перейти сразу к постиндустриальной модели развития в России, как уже отмечалось, невозможно. Выход из создавшегося положения видится в сочетании постмодернизации и позднеиндустриальной модернизации, при этом постиндустриализация должна носить очаговый, анклавный характер. Такая модель модернизации соответствовала бы и возможностям России, и сложившейся структуре и концентрации ее обновленного потенциала, в том числе распределению на ее территории островков современного производства и подходящих кадров.

Очагами постмодернизации России должны стать технокультурополисы, где есть узкий слой людей, обладающих, в отличие от подавляющего большинства, рационалистическим мышлением, хотя и в специфических, не совсем похожих на западные формах, есть социальные субъекты постмодернизации. Потенциально уже сейчас технокультурополисами являются основные культурные и научно-индустриальные центры страны (Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Новосибирск, Екатеринбург, Челябинск, Самара, Нижний Новгород, Саратов, Томск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск и тому подобные города), а также центры ВПК, где сосредоточено высокотехнологичное, наукоемкое производство типа подмосковных Калининграда (Болшева) и Зеленограда, Арзамаса-16, Челябинска-70, Екатеринбурга/Свердловска-44, и центры академической науки наподобие Красной Пахры/Троицка, Дубны или Черноголовки. Было бы целесообразно создать ряд технокультурополисов на новом месте, в частности, в свободных экономических зонах (СЭЗ), часть которых необходимо изначально ориентировать на постиндустриализацию, в отличие от других подобных зон, где речь пока может идти лишь о позднеиндустриальной модернизации. Например, очаги постиндустриализации, "привязанные" к СЭЗ, вполне могли бы быть созданы в Калининграде (областном), Новгороде, Выборге, а также на Дальнем Востоке.

Мы говорим о технокультурополисах как едином целом, ибо в эпоху постиндустриализации наука, технология и культура не отделимы друг от друга. Технокультурополисы должны стать центрами распространения культуры, науки, передовых технологий. Там должны быть лучшие вузы, где будут готовиться высококлассные специалисты (в частности, там должны, образно говоря, учить будущих учителей), конечно, с помощью зару-

бежных ученых. Технокультурополисы необходимо превратить в центры международного научно-технического и культурного сотрудничества.

Конечно, тот факт, что в технокультурополисах будут сосредоточены лучшие ученые, музыканты, преподаватели, инженеры, неизбежно будет подталкивать их к монополизации, по крайней мере, в некоторых направлениях их деятельности. Однако вполне реально стимулировать конкуренцию между самими технокультурополисами: такая конкуренция жизненно необходима для модернизации. Заметим, что создать конкурентную среду в сфере науки, культуры и образования, разбив динозавроподобные “НИИ-ЧАВО” и НПО на более мелкие и мобильные венчурные фирмы и исследовательские центры, в организационном и материальном плане неизмеримо легче, чем провести демонополизацию в промышленности.

Если технокультурополисы — анклав постиндустриального общества, то вне их необходима позднеиндустриальная модернизация на основе инженерной организации труда и рационального конструирования рабочих мест. Как показывает опыт других стран, такая модернизация предполагает активное использование “обычных”, экономических методов стимулирования и регулирования: регулирование налогов и доходов, кредитно-инвестиционную политику, привлечение иностранных капиталовложений, поощрение ускоренной амортизации основного капитала. Но даже за счет одной рационализации труда и управления производством, без значительных дополнительных инвестиций и без повышения квалификации рабочих, можно, как показывает тот же опыт, добиться заметного увеличения производства, особенно предметов личного потребления, что составляет один из важных элементов позднеиндустриальной модернизации. Вместе с тем позднеиндустриальная модернизация за пределами анклавов постиндустриализма должна, с одной стороны, подпитываться идеями и опытно-конструкторскими разработками, которые рождаются в этих анклавах, с другой — формировать ту благоприятную для них социально-экономическую среду, которая бы не отторгала постиндустриализм, что неизбежно произойдет и будет сопровождаться острыми социальными конфликтами, если технокультурополисы останутся одинокими островами современности в безбрежном море российской отсталости.

5. Новая элита: технокультурократия

Для проведения долгосрочной постиндустриальной модернизации необходима постоянно расширяющаяся и обновляющаяся культурная, интеллектуальная, инженерная элита. Создавая технокультурополисы, следует одновременно формировать и современную технокультурократию, обеспечивая ей достойное материальное и социальное положение. То положение, которое занимает в нынешнем российском обществе научно-техническая и гуманитарная интеллигенция, еще хуже того, которое она занимала в “застольно-застойные” годы, и не выдерживает никакой критики. Сколько бы слов в поддержку культуры и науки ни произносили сейчас российские руководители, на деле продолжается, только в других формах, прежняя политика антиинтеллектуализма, ведущая Россию к гибели. Решительного перелома в отношении интеллигенции со стороны власти и всего общества

пока не произошло. Но такой перелом настоятельно необходим. В качестве первого шага на этом пути следовало бы на государственном уровне развернуть беспощадную моральную войну с антиинтеллектуализмом, который проповедают и многие депутаты, и средства массовой информации. Антиинтеллектуализм должен стать предметом общественного осуждения, вызывать неприятие в обществе. Подогреваемое mass media поклонение знахарям, кудесникам и прорицателям, коих не счесть в эпохи крушения любых империй, как и пренебрежительное отношение к знаниям и интеллекту, несовместимо с модернизацией.

Непосредственная опора технокультурократии — те, пока немногочисленные, социальные группы, которые являются (в действительности и потенциально) субъектами модернизации. Вместе с тем кадры для технокультурократии необходимо черпать из всех слоев общества. Элита должна быть демократической, не замкнутой, а открытой всем талантам, доступной для народа (М.Понятовский, И.Бло, Франция) (54). Доступной в двойном смысле: во-первых, она должна сознавать свою ответственность и свою социально-историческую миссию перед страной; во-вторых, любой человек, даже из самой глухой деревни, должен иметь равные с другими шансы войти в ряды элиты при надлежащем трудолюбии и образовании. Иначе элита рано или поздно вырождается в замкнутую касту, наперед знающую секреты наилучших решений всех проблем. Гарантией от подобного вырождения может стать лишь постоянная конкуренция идей и вариантов управленческих решений, т.е. конкуренция среди самой элиты, расширение возможностей для обновления элиты и притока в ее ряды свежих сил. Увы, за годы горбачевской перестройки шансы войти в эти ряды у разных людей и социально-демографических групп стали еще более неравными, чем они были к концу застойных лет. Причем данное неравенство усиливается, что объективно сужает социальную базу и возможности модернизации. Жизненно необходимо переломить такую тенденцию. Для этого нужна долгосрочная, научно обоснованная государственная программа отбора и подготовки талантливых людей с самого детства. Они должны составлять основной контингент учеников гимназий, лицеев, специнтернатов для одаренных детей с прицелом на университеты в технокультурополисах. Очень важно уже сейчас не проморгать потенциальных Ломоносовых и Эдисонов, затерявшихся в убожестве российской глубинки. Кстати, подобную практику уже давно, с 1960-х годов, начали осуществлять Московский и Новосибирский университеты, отбирая со всех концов державы учеников для своих физико-математических интернатов.

6. Государство и авторитарный режим

Важную роль в российской модернизации должно сыграть государство. Не только потому, что это соответствовало бы и сложившейся структуре экономики, российским традициям, но и потому, что частное предпринимательство в России еще слишком слабо, а государственные предприятия слишком инертны, чтобы на них можно было целиком полагаться в деле радикального обновления экономики страны. Государство в России, поощряя частную и коллективную инициативу, должно выступить гарантом

политической стабильности и порядка, без которых никакая модернизация, особенно в сильно люмпенизированном обществе, невозможна. В первую очередь ему надлежит проводить демонополизацию промышленности и регулировать процесс приватизации таким образом, чтобы он в наибольшей мере соответствовал задачам модернизации, создавая для этого соответствующие правовые условия. Государство должно стать инициатором целого ряда широкомасштабных научно-технических и социально-экономических программ по основным направлениям модернизации (и постмодернизации) по примеру программы Европейских Сообществ ESPRIT или японской по созданию ЭВМ пятого поколения, стимулируя госпредприятия и частный бизнес к участию в их реализации.

Одной из распространенных либерально-демократических иллюзий, гносеологически связанных с непониманием природы российского общества, стало убеждение в жизненной необходимости политической демократии в России по западному образцу. Однако отсутствие гражданского общества ставит под сомнение прочность зарождающихся демократических институтов в России, а обстановка социально-экономической и политико-юридической нестабильности, духовного кризиса усугубляет эти сомнения, дискредитируя идею демократии в глазах народа. Размывание прообраза "среднего класса", элементы которого складывались в бывшем СССР, усиление поляризации общества в такой ситуации делает все более возможным установление диктатуры того или иного толка.

Однако, независимо от исхода политических баталий, в России неизбежен и необходим авторитарный режим. И дело даже не в том, что становление рыночного хозяйства нуждается в "сильной руке", а переход от тоталитарной системы к демократии будто бы требует некоего промежуточного варианта в виде авторитаризма. В конце концов после второй мировой войны и Германия, и Италия перешли от тоталитаризма к демократии и нормальной рыночной экономике без особых промежуточных стадий, и наличие на их территориях оккупационных армий западных стран было хотя и важным, но отнюдь не решающим фактором такого перехода. Главное заключается, на наш взгляд, в природе российского общества, в том, что ему предстоит перейти от состояния, в котором весьма сильны элементы традиционности, добуржуазных общественных отношений и социальной психологии, к рыночному хозяйству, гражданскому обществу. Это означает глубокую ломку и преодоление сопротивления со стороны старых общественных структур и старого общественного сознания. Отсюда и вытекает особая роль государственных институтов, которым надлежит политическими и правовыми средствами сломить это сопротивление.

Как нам представляется, в России в обозримом будущем не стоит вопрос "демократия или авторитаризм." Вопрос стоит по-другому: какого типа авторитаризм будет в России? "Авторитаризм вообще" — пустая абстракция, запущенная с подачи "оголтелых демократов" в средства массовой информации. Авторитаризм всегда конкретен. Он выполняет вполне конкретные функции и опирается на конкретные социальные слои. Если быть точным, то брежневский режим был не совсем тоталитарным (как, скажем, и режим Франко в Испании, особенно в 1960-е — начале 1970-х гг.); он был авторитарным, хотя и с ярко выраженными элементами тоталитаризма.

Авторитарным был и режим Ли Куан-ю в Сингапуре, и Гейзела в Бразилии, а ныне по всем формальным признакам авторитарными являются режимы короля Фахда в Саудовской Аравии и Саддама Хусейна в Ираке. В известном смысле авторитарным можно было считать и политическое правление де Голля во Франции. Но сколь различны результаты деятельности и социальные опоры всех этих авторитаризмов! Гейзел опирался на военно-технократическую и интеллектуальную элиту, буржуазию филиалов ТНК и сам транснациональный бизнес, Саддам Хусейн — на армейскую верхушку и реакционно настроенные традиционные средние слои, а брежневское государство помимо партийно-государственных чиновников и технократии ВПК находило опору в отсталых, маргинализированных слоях населения, поддерживая их лояльность неоправданным ростом “зряплаты”, снисходительным отношением к скверной работе и “зеленым змием”. И Гейзел, и король Фахд сумели осуществить ускоренную модернизацию своих стран, а Хусейн и Брежнев обрекли свои державы на стагнацию и национальное унижение.

Необходимость модернизации требует установления в России авторитарного режима особого типа. Характер этой модернизации и образование технокультурополисов, этих анклавов современности в России, как и свободных экономических зон, помимо самих рыночных отношений усилит социальную дифференциацию в обществе и может привести к острым конфликтам, особенно на первых порах. Не исключено, что власти будут поставлены перед выбором между модернизацией и популизмом. Избежать такой дилеммы должна помочь сильная власть — опирающийся на закон авторитарный режим либерально-технократического и одновременно патриотического характера, который возьмет на себя миссию политического и правового гаранта подлинного обновления России. Без сильной, даже жесткой власти не удастся также одними экономическими средствами обуздать мафиозные кланы, покончить с разгулом чиновничьей коррупции, призвать к порядку люмпенов. Подобный авторитаризм (“просвещенный”), охраняющий условия для развития гражданского общества, открытый для новаций и постепенной демократизации может стать политической гарантией действенной альтернативы отсталости страны и хаосу. Он должен опираться на заинтересованные в модернизации слои и по мере ее продвижения вперед расширять свою социальную базу.

Разумеется, сейчас трудно в точности описать, каким образом может и должен сформироваться политический режим просвещенного авторитаризма в России, каковы будут механизмы его функционирования и перспективы преобразования в нормальное демократическое государство. Наиболее предпочтительным путем его формирования был бы парламентский путь, с опорой на институт президентской власти и мощной законодательной основой.

Далеко не последнюю роль в функционировании авторитарного режима, осуществляющего модернизацию страны, играет личность его политического лидера, причем в тандеме с ним, как правило, выступает не менее уважаемый экономист, генератор идей модернизации и реформаторской экономической политики. Так было и в тех странах, где модернизация и экономические реформы носили в целом органичный характер (например,

в послевоенной Германии — К.Аденауэр и Л.Эрхард, во Франции — Ш. де Голль и Ж.Помпиду), и в тех, где они вытекали из потребностей догоняющего развития (в Бразилии — К.Бранку и Р.де Оливейра Кампос).

7. Идеология модернизации

Однако просвещенный авторитаризм лишь необходимое, но еще не достаточное условие для проведения российской модернизации. Как уже отмечалось выше, Россия нуждается в духовном обновлении, в своего рода революции сознания, без которой любые перестройки в обществе будут либо отвергаться основной массой людей, либо приобретать самые несуразные формы. Принимая во внимание, какую роль в жизни российского общества всегда играла идеология, духовное начало, ожидать полной деидеологизации общественного сознания было бы просто наивно. Та деидеологизация, о которой говорили в конце 1950-х — начале 1960-х гг. на Западе (Р.Арон, Д.Белл), касалась иного типа сознания — европейского, рационалистического — и имела вполне определенный смысл. Во-первых, она означала конец старых, универсалистских идеологий, подпитываемых иудейско-христианской духовной традицией — либерализма, социализма и классического фашизма 1920–1940-х гг., и появление новых идеологий, берущих начало в “третьем мире” (55). Во-вторых, деидеологизация на Западе фактически представляла собой индивидуализацию идеологии, когда взгляды людей по существу как бы отрывались от их социально-классовых корней, что символизировало начавшееся размывание межклассовых границ в позднекапиталистическом обществе. Не приходится удивляться, что по мере возрастания социокультурных, духовных факторов развития западного общества и начавшейся трансформации культуры “модернити” в конце 1960-х гг., деидеологизация сменилась реидеологизацией, т.е. восстановлением идеологии, только уже в новых формах и с новым содержанием. Российская деидеологизация — как отказ от официально-коммунистической идеологии — на поверку имеет мало общего с той деидеологизацией, которая была на Западе три десятилетия назад, и нередко на деле оказывается простой заменой одних мифов другими.

Как показывает опыт новых индустриальных стран, приступая к модернизации, их правящие круги учитывали значение идеологии в деле социально-экономических преобразований и отнюдь не ратовали за деидеологизацию (56).

России нужна идеология модернизации — синтетическая, прагматическая, открытая новациям, выполняющая конструктивную роль. По существу это должна быть неоконсервативная идеология, учитывающая ту социальную функцию, которую выполнила идеология неоконсерватизма в деле постиндустриализации ведущих стран Запада и Востока. Неоконсерватизм оказался идеологией, которая одновременно обозначила пути решения и духовного кризиса “модернити”, и технико-экономического кризиса позднеиндустриального общества, сумела примирить, другими словами, мораль и микропроцессор (Г.Сорман, Франция) (57).

Заявляя о своей приверженности неоконсерватизму, мы отнюдь не отвергаем такие фундаментальные понятия, как личные свободы, права

человека, экономическая и политическая демократия, право народов на самоопределение и социальные права нетрудоспособных членов общества. В признании универсальности этих понятий неоконсервативная идеология сходится и с либерализмом, и с социализмом (разумеется, европейского образца). Отличие неоконсерватора от либерала (в американском варианте) или от либерального демократа (в варианте российском) состоит в том, что неоконсерватор признает значение традиционных ценностей для общественного развития (58). Неоконсерватизм не имеет ничего общего с тоской по давно ушедшим временам — это удел ретроградов и реакционеров. Неоконсерватизм — идеология радикальных реформ с опорой на лучшие традиции прошлого, которая сохраняет преемственность общественного развития (М. Фрага Ирибарне, Испания) (59). В эпоху перехода к постиндустриальному обществу он неслучайно стал в ряде стран доминирующей идеологией, поскольку сейчас те старые ценности, которые раньше защищали консерваторы (высокая культура, образование, семья, гармония человека и природы, чувство долга и т.д.), начинают выполнять новые функции, способствуя накоплению “человеческого капитала” — основы постиндустриального развития (60). Следовательно, быть неоконсерватором в конце XX в. — значит маршировать во главе прогресса (Ф.-Й. Штраус, ФРГ) (61).

Неоконсервативная идеология модернизации объективно могла бы позволить примирить умеренные фланги трех обозначившихся в России идейно-политических течений: либерально-демократического, социалистического и национал-патриотического. Под знаменами неоконсерватизма в нынешних сложных условиях есть место и приверженцам демократического, реформистского социализма, сознающим, что социальная справедливость может быть обеспечена только на базе высокой экономической эффективности, и либералам-прагматикам, понимающим, что самый верный путь к торжеству либеральных принципов лежит через последовательные реформы, а не через “либеральный обвал”, чреватый социальным взрывом и “африканизацией” России, и патриотам-демократам, выступающим за укрепление государственности и восстановление ряда традиционных ценностей (семья, нравственность, долг, патриотизм и т.д.), но не во имя их самих, а ради конечного торжества демократии и возвышения человека. Фактически неоконсерватизм в современных условиях России мог бы выполнить роль центристской идеологии, обеспечивающей в обществе как необходимое идейно-политическое согласие, так и продвижение по пути преобразований.

Модернизаторская идеология должна быть многоуровневой. Было бы странно, если бы она оказалась одинаковой для всех социальных и этнических групп — опыт господства такой идеологии тотального единства в России уже был. Очевидно, она в первую очередь должна стать идеологией тех социальных сил, которые являются субъектами постиндустриальной модернизации. На этом уровне ей в наибольшей степени должен быть присущ рационализм и прагматизм, должны быть открыто обозначены ее функции и структурные элементы, а сама она должна, как и соответствует идеологиям постиндустриальной эпохи, стать, главным образом, результатом собственного творчества людей.

Второй уровень модернизаторской идеологии соответствует задачам позднеиндустриальной модернизации, следовательно, на нем должны быть

представлены и элементы концепций догоняющего развития, и идеи социал-демократии, поскольку именно социал-демократическая система взглядов адекватна позднеиндустриальной стадии развития.

Наконец, третий уровень модернизаторской идеологии выполняет роль внешнего амортизатора: он предназначен непосредственно реагировать на антимодернизаторские идеи как тех из бывших коммунистов, которые проповедуют под соусом социализма политику контрреформ, так и национал-патриотов, выступающих с претензиями на роль всемирного безгрешного светоча, как традиционалистов, мечтающих навсегда изолировать Россию от зарубежного влияния, так и крайних либеральных демократов, усматривающих в свободном рынке наивысшее достижение мировой цивилизации. Третий уровень идеологии модернизации должен затрагивать массовое сознание, в частности, сознание тех слоев общества, которые не могут стать субъектами модернизации. Задача этого уровня модернизаторской идеологии — сделать общественные и технологические преобразования если не во всем привлекательными, то по крайней мере приемлемыми для людей, совершенно не заинтересованных в модернизации. Чтобы решить столь непростую задачу, нужно использовать элементы антимодернизаторских идей, показывая, что как раз модернизация ведет к достижению провозглашаемых ими целей: к величию России как державы на мировой арене, к сохранению самобытности культур российских народов, к развитию личных прав и свобод, включая и свободу предпринимательства, к социальному миру и надежной социальной защите обездоленных от превратностей рынка, к примирению экономической эффективности и социальной справедливости, к решению экологических проблем и повышению качества (а не только уровня) жизни.

Идеология модернизации должна строиться и на достижениях мировой общественной мысли, и на традициях российской культуры, как на рациональных основаниях, так и на вере народа в свои силы и возможности. Нельзя подвигнуть народ принять какую-либо программу модернизации, если вдалбливать ему идею собственной никчемности и неполноценности, поддерживать комплекс “совка”. Соответственно нельзя сделать такую программу привлекательной, если делать упор на российскую исключительность, подчеркивать ее антизападничество и антибуржуазность. Между тем и в том, и в другом изрядно преуспели соответственно либеральные демократы и национал-патриоты. Для модернизации же нужен здоровый национализм не того провинциально-квасного свойства, который воспекает сомнительные “подвиги” “наших”, а тот, который бы позволил российскому народу поверить, что он может сотрудничать в разных областях со всем миром и успешно конкурировать на мировых рынках современной продукции и информации, не испытывая страха ни перед иностранными товарами, ни перед зарубежными капиталовложениями (62). Здоровый российский национализм может быть построен на осознании принадлежности России к великому евроазиатскому континенту, а необходимая европеизация сознания русского народа (не будем забывать, с уважением относясь ко всем народам России, что русские составляют костяк научно-технической интеллигенции, высококвалифицированных рабочих научно-индустриального

производства ВПК, офицерского корпуса — тех социальных и профессиональных групп, которые являются, во всяком случае потенциально, субъектами модернизации и постиндустриализации) должна опираться на историческую и культурную общность древних славян, германцев и скандинавов.

Идеология модернизации России объективно призвана совершить переворот в сознании, подобный лютеровской Реформации, переворот, столь важный для развития цивилизованного предпринимательства и рационального хозяйствования. Но без использования русского духовного наследия осуществить его не удастся. Так, поскольку европейское рационалистическое сознание проистекает в конечном счете из присущего античности здорового отношения к жизни внутренне свободного человека, то оказывается, что ближе всего по духу к европейскому гуманизму и рационализму стоит самый русский поэт России — А.С. Пушкин. Именно у него мы найдем тот дух раскрепощенности и внутренней раскованности, которого так не хватает сегодня. В то же время российская духовная модернизация должна опираться на идеи самоценности труда, труда как нравственного долга и основы физического и нравственного здоровья человека, которые проходят через творчество Л.Н. Толстого и А.П. Чехова. И как знать, не станут ли эти великие русские писатели для российского человека Лютером и Кальвином, идеи которых помогут осуществить российскую реформацию?

Однако для культивирования рационалистического мышления, необходимого для модернизации России, помимо возвышенных идей корифеев русской и мировой культуры, столь же важно, особенно в среде тех, кто готов пока лишь к позднеиндустриальной модернизации, распространять обычные, “земные” идеи рационального экономического поведения. При том, что “экономический человек” уже сходит со сцены истории в развитых странах, он мог бы во многих отношениях послужить примером для среднего российского человека. Необходим массовый экономический “всеобуч”, и такие общественные институты, как профсоюзы, объединения типа обществ потребителей, ассоциации предпринимателей, средства массовой информации могли бы сыграть в этом деле очень важную роль.

Идеология модернизации (постмодернизации) должна найти точки соприкосновения между западной идеей постиндустриального общества, глобальной гармонии природы, человека и социума, сформулированной в докладах Римскому клубу, и идеей космичности человеческого бытия, выдвинутой русскими философами на рубеже XIX–XX вв. Тем более, что и в русской культуре, и даже в современном массовом сознании российского общества мы можем найти немало идей и нравственных установок, которые соответствуют скорее даже постиндустриальной, а не позднеиндустриальной эпохе. В частности, к этим идеям относится концепция производства С. Булгакова, во многом перекликающаяся с идеями раннего Маркса (факт, который может показаться весьма странным и нашим либералам, и ортодоксам-большевикам, и национал-патриотам), теория круговорота культур П. Сорокина, соприкасающаяся с современными концепциями постиндустриального общества, нравственное учение Л. Толстого, во многом близкое концепциям “человеческой революции” Римского клуба.

8. Модернизация и массовое сознание

Для того чтобы идеология модернизации нашла как можно более широкий отклик в общественном сознании, она должна предложить ряд ценностей, которые бы соответствовали его ценностям и могли бы выполнять, по меньшей мере, стабилизирующую функцию. К таким ценностям относятся, в частности, забота о воспитании детей, стремление как можно больше времени посвятить домашним делам и распространенное, фиксируемое социологическими исследованиями на протяжении уже многих лет, предпочтение, даже среди лиц с не очень высоким уровнем образования, выполнять не столько высокооплачиваемую, сколько содержательную и общественно значимую работу, а также позволяющую иметь много свободного времени.

В условиях грядущей массовой безработицы женщин, связанной с закономерной структурной перестройкой экономики и производственных отношений, необходимо приравнять домашний труд (и прежде всего труд по воспитанию детей) к труду в общественном производстве, на чем уже давно настаивают и западные неоконсерваторы, и социал-демократы. Вместо унижающего достоинство женщин пособия по безработице, порождающего комплекс неполноценности и социальную апатию, им нужно выплачивать заработную плату за воспитание детей до 15–16 лет, или, выражаясь экономическим языком, за труд по формированию “человеческого капитала”, даже если размеры этой заработной платы не будут превышать величину пресловутого пособия. Причем статус этого вида труда должен быть закреплен как законодательно, так и в общественном сознании с помощью mass media.

Другой важной ценностью российского общественного сознания, которую следовало бы использовать для распространения идеологии модернизации, является все еще сохраняющаяся идея великой России как могучей мировой державы. Необходимо остановить продолжающееся размывание этой идеи, усугубляющее массовую субъективно-психологическую маргинализацию, наполняя ее конструктивным содержанием, ориентирующим общественное сознание на то, что лишь полноценная модернизация может обеспечить России державный статус в мире, как это произошло с Японией, Германией или рядом новых индустриальных стран.

Нельзя пренебрегать и наметившейся в последние годы экологизацией общественного сознания, которая соответствует задаче постиндустриализации, поскольку в конечном счете только постмодернизация в состоянии решить экологические проблемы, резко повысить технологическую надежность и безопасность для человека и природы производственных систем. Для идейного обновления велико значение не только самих новых или выдающихся старых идей, но и правовых мер, а также особой общественно-психологической атмосферы (на уровне обыденного сознания), благоприятной для формирования нового типа личности и работника, адекватного позднеиндустриальной стадии (не говоря уже о постиндустриальной). Неспроста в начале XX в. распространение фордизма в Америке совпало по времени с возрождением строгих норм морали и всплеском веры в “американскую мечту” и исключительность Америки: становление нового технологического способа производства шло рука об руку с глубокой ломкой

прежнего типа и работника, и предпринимателя (63). И неслучайно модернизация Сингапура сопровождалась и продуманной пропагандой “культурного поведения” граждан, и введением жестких законодательных мер в отношении нарушителей общественного порядка. Терпимость к бескультурью, подхваченная ныне как эстафета от номенклатурного антиинтеллектуализма, либеральное отношение к наркомании и распущенности надежно перекрывают путь к модернизации России.

В формировании атмосферы духовного обновления большая роль принадлежит общественным культурно-просветительным организациям, а также православной церкви, всем конфессиям, действующим в Российской Федерации. Кажущиеся бессмысленным витийствованием упования некоторых национал-патриотов на духовное возрождение народа лишь в лоне русской православной церкви имеют вполне реальный смысл, если учесть нынешнюю иррациональность российского общественного сознания и глубину духовной, культурной маргинализации населения российской провинции, граничащей с одичанием. Здесь уже не помогут сами по себе ни передача земли в собственность, ни поддержка предпринимательства, ни наследие Пушкина с Толстым, ни пропаганда идей модернизации. В условиях духовного вакуума, возникшего сейчас в России, церковь для многих категорий людей, особенно в малых городах России, может оказаться единственным общественным институтом, который способен стабилизировать ситуацию в социокультурной сфере и противодействовать духовной маргинализации.

Наконец, важным фактором развития и распространения идей модернизации могут и должны стать массовые общественные движения, складывающиеся вокруг реальных социокультурных проблем, по типу американского “Морального большинства” Д. Фолуэлла (переименованного впоследствии в “Федерацию за свободу”): например, объединения родителей, обеспокоенных наркоманией среди школьников, интеллектуалов, озабоченных распространением “массовой культуры”, движения в защиту здоровой окружающей среды. Решающую роль в развертывании таких движений обязана сыграть интеллигенция. К сожалению, сейчас российская интеллигенция, добившись распада старой политической системы, уподобилась ватаге набедокуривших школьников, бросившейся в кусты, “шкоду учинив”. Вместо того, чтобы возвысить свой голос против опасных тенденций в обществе, российские интеллектуалы заняли выжидательную позицию. Но такая позиция бесперспективна прежде всего для самой интеллигенции и никак не соответствует той особой миссии, которую должны выполнить интеллектуалы в свете задачи модернизации. Все разговоры о модернизации потонут в углубляющейся с каждым днем отсталости России, если сама интеллигенция не проникнется идеей реальной модернизации страны, осознав, наконец, свои стратегические интересы.

9. Модернизация и евроазиатская интеграция

Мы уже привыкли к тому, что Россия и другие государства, образовавшиеся после распада СССР, шагают в ногу, а весь мир — не в ногу: социально-историческое отставание “пространства” проявляется в этом

несовпадении весьма отчетливо. В то время как в мире преобладают интеграционные процессы, причем отнюдь не ставящие под сомнение самобытность различных участвующих в них народов, их социокультурную идентичность, на развалинах бывшего СССР провинциальные политики перебирают оставшиеся от него кирпичики и пытаются поделить их в соответствии с собственными амбициями и унаследованными от прежней эпохи представлениями. По большому счету за этим дележом не стоит ничего, кроме продолжающегося процесса разложения административно-командной системы: так называемая августовская революция знаменовала собой лишь переход этого процесса на новую ступень.

Да, возможный распад не только бывшего Союза, но и России может принести кому-то политические дивиденды, может превратить ту или иную часть России (к тому времени уже бывшей) в островок, куда потекут иностранные капиталовложения, а уровень жизни народа будет значительно выше, чем в других частях страны. Нельзя исключить, например, что самостоятельная Дальневосточная республика сумеет интегрироваться в динамичный азиатско-тихоокеанский регион, опираясь на помощь Японии, Кореи, Китая, в меньшей степени — Соединенных Штатов, а северо-запад России, тоже на правах самостоятельного государства, сможет стать вполне достойным дополнением экономической, культурной и политической системы стран Центральной Европы и Балтии — с помощью ФРГ, Финляндии и Швеции. Однако такая “модернизация” на самом деле будет крайне нестабильной и уязвимой.

В конечном счете распад России вслед за распадом бывшего СССР не совместим с серьезной модернизацией. Причем в случае такого распада модернизация обойдет стороной не только большинство регионов России, которые, за редким исключением, превратятся в “единое нищенское и деградирующее пространство”, но и другие государства, образующие ныне СНГ. Часто высказываемая сейчас мысль о том, что Европа должна простираться от Атлантики до Тихого океана, что процветание всего евроазиатского континента зависит от решения проблем в рамках треугольника С.—Петербург — Ростов — Новосибирск (64), лишь “с другой стороны” подтверждает необходимость всесторонней взаимной интеграции “кирпичиков” бывшего Союза ССР. Модернизация, особенно позднеиндустриальная, тем более — постиндустриализация, всегда сопровождалась развитием интеграционных связей страны с другими государствами, открытием границ, взаимопроникновением культур и экономик. Достаточно сослаться и на опыт Латинской Америки (Бразилия — Аргентина — Уругвай, Чили — Мексика), и на опыт стран ЮВА (АСЕАН), не говоря уже о ставшем хрестоматийным опыте Европейских Сообществ. Модернизация России неотделима от развития соседних с ней государств, прежде всего Украины, Казахстана, Беларуси, Китая. Она является важнейшим условием этого развития, которое, в свою очередь, жизненно необходимо для российской модернизации. Политический абсурд дезинтеграции и развала “пространства” несовместим с задачей модернизации ни России, ни других государств евроазиатского континента от устья Тежу до устья Амура. И в споре нынешних политиков со здравым смыслом мы стоим на стороне здравого смысла.

Выступая за всемерную интеграцию между странами СНГ, мы отнюдь не боимся навлечь на себя со стороны либеральных демократов обвинения в имперских устремлениях. Эпоха империй безвозвратно кончилась. Интеграция тем и отличается принципиально от насильственного восстановления империй, что она развивается снизу, из потребностей повседневной жизни и общественного производства, включая, разумеется, и производство духовное, а не по приказу сверху. Конечно, объективные тенденции рано или поздно возьмут верх над политическим провинциализмом, если... к тому времени кое-кто не успеет окончательно погубить и себя, и то, что еще осталось от "пространства".

10. Стабилизация и модернизация

Интеграция в рамках СНГ теснейшим образом связана с решением проблемы социально-экономической, политической и правовой стабильности. Без общей стабилизации невозможна никакая последующая модернизация. Более того, такая стабилизация составляет необходимое предварительное условие последней.

Общая стабилизация ситуации в России сопряжена с тактикой модернизации. От выбора средств и методов стабилизации зависит в конечном счете и то, как будет в дальнейшем осуществляться модернизация.

Выбранные нынешним правительством России монетаристские методы регулирования экономики могут в принципе стабилизировать бюджет, денежное обращение, кредитную систему, хотя в условиях России этого может и не произойти. Тем не менее элементы монетаризма в начале стабилизации не только желательны, но и необходимы. И было бы величайшей иллюзией надеяться на то, что монетаристская экономическая политика не вызовет роста безработицы, спада производства, закрытия множества неэффективных предприятий, выпускающих никому не нужную продукцию. Объективно эта политика проводит очистительную работу, которую в былые времена индустриальной (капиталистической) эпохи выполняли кризисы, и отнюдь не должна стимулировать рост экономики. Ссылки наших отечественных корифеев публицистики и экономической мысли на успех неолиберальной экономической политики в США и Великобритании в 1980-е гг., чтобы убедить публику в том, что таким образом можно в конце концов стимулировать экономический рост, несостоятельны, ибо данная политика, проводившаяся неоконсерваторами, представляла собой лишь один из аспектов того подъема, который был связан с технологической революцией и началом постиндустриализации, т.е. процессами, в корне отличными от тех, что происходят в бывшем СССР и странах Восточной Европы.

Учитывая подлинный уровень технико-экономического развития России, характер российских проблем, для преодоления нынешнего кризиса и стабилизации экономики необходимо в большей степени сделать упор на кейнсианские методы регулирования, используя элементы монетаризма как вспомогательное средство, но не как основной принцип экономической политики. Вместе с тем кейнсианство скорее, чем монетаризм, соответствует и задачам позднеиндустриальной модернизации. Положение России таково,

что поощрение производства и поддержание эффективного спроса ныне важнее, чем полная стабилизация бюджета, которой все равно толком не добиться без подъема производства.

Стабилизирующий эффект монетаристской политики, как показал пример Польши, в большой степени ослабляется монополистическими тенденциями в экономике. Дефляционные возможности этой политики почти сводятся на нет действием такого инфляционного фактора, как монополистическое ценообразование. В условиях России пагубные последствия монополизма усугубляются неразвитостью банковской и акционерной системы, действиями чиновничества, которое пустилось во все тяжкие на почве предпринимательства. Помимо стабилизации бюджета и денежного обращения необходимо предпринять меры, направленные на подрыв монополизма производителей. Сами по себе законодательные акты, предусматривающие ответственность за проявления монополизма или монополистические устремления, как показывает опыт других стран, малоэффективны. Они могут принести нужные результаты лишь в сочетании с другими мерами (фискальными, регулированием цен, заработной платы на предприятиях-монополистах и т.д.). Весьма действенным рычагом развития конкуренции и обуздания монополизма, повышения конкурентоспособности отечественной индустрии является поощрение импорта аналогичных товаров и товаров-заменителей. В частности, импорт сельскохозяйственной техники, автомобилей, товаров повседневного спроса, а также всемерное привлечение иностранных инвестиций в отрасли, где господствует монополизм, способствовали бы существенному изменению ситуации на складывающемся рынке России. Но за счет чего можно реализовать подобные планы? — нехватка валютных резервов стала в России хронической.

Проводя жесткие (если не сказать “жестокие”) меры по стабилизации финансовой системы и стремясь привлечь серьезных иностранных инвесторов (для чего нужна политическая стабильность и четкие правовые гарантии), необходимо одновременно создавать условия для последующего увеличения валютных поступлений в страну. Для этого необходимо прежде всего обеспечить выживание традиционных базовых отраслей экономики, их поддержание на время структурной перестройки, особенно нефте- и газодобычи. Следует также восстановить полную государственную монополию внешней торговли нефтью и нефтепродуктами, цветными и высококачественными черными металлами, прекратив на несколько лет выдачу и продажу лицензий на их экспорт, обеспечить государственные гарантии зарубежным инвестициям в эти отрасли. Жизненно важно прекратить отток капиталов за границу, который обескровливает и без того разваливающуюся экономику.

Необходимо создание современной банковской и акционерной системы. Акционирование закрытого типа — простор для жульничества и благодатное условие для сохранения на производстве докапиталистических отношений личной зависимости между администраторами-предпринимателями и работниками, полукрепостными-полунаемными. Акционирование должно быть открытым, с антимонопольными ограничениями (как, например, было установлено в начале осуществления неоконсервативной программы прива-

тизации в Великобритании, где нельзя было ни прямо, ни через подставных лиц скупать более 30% акций одной фирмы). В нем должны участвовать страховые и пенсионные фонды, профсоюзы, Сбербанк, которым надлежит взять на себя основную долю обязанностей по размещению акций среди простых смертных. Введение предусмотренных законом именных инвестиционных чеков для граждан — лишь один из начальных шагов на пути формирования современной эффективной акционерной системы.

Среди важных стабилизационных мер, которые объективно создают условия для последующей модернизации, мы называем программу общественных работ по созданию современной инфраструктуры (дороги, сфера обслуживания и т.д.). Колоссальное высвобождение работников в результате закрытия неэффективных предприятий и простого сокращения рабочих мест потребует решения проблемы массовой безработицы — ныне ни у правительства, ни у профсоюзов нет какой-либо серьезной программы действий на этом направлении социально-экономической политики. Нам представляется, что ядром такой программы должна стать как раз программа развития общественных работ.

Стабилизация, перерастающая в модернизацию, в дальнейшем должна также предусматривать поддержание и последующее форсированное развитие авиакосмической индустрии с ориентацией на экспорт как готовой продукции, так и технологии, know-how, а также развитие средств связи — по возможности с привлечением иностранного капитала. Вместе с тем необходима государственная стратегия компьютеризации науки, образования и приоритетных отраслей народного хозяйства.

В процессе стабилизации должна быть разработана и начата осуществляться программа развития культуры, фундаментальной науки и образования. Откладывать это дело “на потом” недопустимо — оно должно предшествовать созданию технокультурополисов и формированию широкого слоя технокультурократии.

Своеобразным мостиком, обеспечивающим переход от стабилизации к собственно модернизации, может и должна стать программа поощрения производительного, частного и коллективного, предпринимательства, особенно в отраслях, которые: 1) выпускают предметы личного потребления (включая сельское хозяйство и переработку сельскохозяйственной продукции); 2) обеспечивают научно-технический прогресс.

Обобщенно тактику российской модернизации (включая стабилизацию как ее неотъемлемый момент) можно представить по этапам: замедление падения и выживание основ народного хозяйства — четкий выбор приоритетов развития — развитие культуры, науки, образования — реальная структурная перестройка экономики и формирование идеологии обновления (последнее — дело политических партий и mass media, но ни в коем случае не государственных органов) — создание технокультурополисов и очагов постиндустриальной модернизации — прорыв по отдельным направлениям модернизации — расширение прорыва и распространение результатов модернизации на широкие слои народа — переход к модели органичной модернизации и саморазвития.

На каждом из тактических этапов модернизации социальные, экономические, технологические и духовные, моральные и культурные проблемы должны решаться только вместе, в неразрывном единстве. Но при этом следует помнить: решение задач одних этапов может приходиться в противоречие с задачами других этапов. Так, само по себе выживание экономики России и сохранение ее нынешнего духовного и научно-технического, производственного потенциала в целом не согласуется с кардинальной задачей структурной перестройки экономики и духовной революции, которые предполагают отказ от многого из того, что сейчас необходимо всячески сохранить, предполагает консервацию сегодняшней отсталости, никак не согласующуюся с необходимостью решительного обновления. На каждом этапе модернизации неизбежно будет возникать искушение смягчить социальные конфликты самым простым и внешне дешевым способом — путем сохранения существующего положения дел и замораживания преобразований, поддержания мизерного благополучия многочисленных, но отсталых групп и слоев населения. Но это путь в тупик, к срыву модернизации, к новой стагнации. Чтобы избежать такой участи, нужно последовательно и твердо ориентироваться на те социальные силы, которые заинтересованы в подлинной модернизации, могут обеспечить осуществление преобразований. Политика (внутренняя и внешняя) реагирования на сиюминутную ситуацию по принципу “беги туда, где горит” должна уступить место продуманной стратегии, реализуемой профессионально с помощью соответствующей тактики.

* * *

России предстоит пройти необычайно долгий и трудный путь к своему подлинному обновлению. На этом пути ее ожидает множество опасностей и препятствий. Трудности велики, но есть шансы пройти этот путь — дорогу осилит идущий. И их необходимо использовать до конца. От этого зависит не только наше благополучие, но и сама наша жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробно: Шацкий Е. Утопия и традиция. Пер. с польск. М., 1990. С.284–291.
2. В данном контексте возрождение может быть интерпретировано лишь как осознание обществом и отдельными индивидами своей роли как субъектов развития, что само по себе означает мощный толчок к движению вперед.
3. См. подробно: Красильщиков В.А., Стрежнева М.В. Объединение Европы и мы (диалог) // Полис (Политические исследования). 1991. N 4. С.125–130.
4. См., например: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.88–113; Toynbee A. A Study of History. Vol.1–12. L., 1961–1964, especially: Vol.1. Introduction. The Genesis of Civilizations (Part 1). L., 1961. P.34–35, 151.
5. Маркс К. Письмо в редакцию “Отечественных записок” // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.120–121; его же. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич // Там же. С.411–413; его же. Капитал. Т.1. // Там же. Т.23. С.522; Weber M. The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism / Transl. by T.Parsons. L., 1962. P.13 et ff., 22–26, 76–78, 91–92; idem. Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology / Ed. by G.Roth and C.Wittich. Vol.1. Berkeley, 1978. P.375–380, 477–480; Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и

экономической истории / Пер.с нем. Пг., 1924. С.221 и след.; Toynbee A., Ikeda D. Choose Life: A Dialogue / Ed. by R.L.Cage. L. e.a., 1976. P.39, 290–296; Васильев Л.С. Что такое “азиатский способ производства”? // Народы Азии и Африки. 1988. N 3. С.69, 75.

6. Не всегда модернизация должна была сопровождаться политическими революциями и потрясениями, хотя иногда модернизации предшествовали политические перевороты: так, сталинской индустриализации (а это была, несомненно, модернизация, хотя и сопровождавшаяся террором против собственного народа и новым изданием крепостничества) предшествовал захват власти большевиками и “великий перелом” 1929–1930 гг., а бразильской модернизации конца 1960–х — начала 1980–х гг. — “апрельская революция”, захват власти военными в результате переворота в ночь с 31 марта на 1 апреля 1964 г.

7. См.: Therborn G. Vias a traves de la modernidad // Relaciones. Mexico, 1990. N 4. P.49.

8. Об эшелонах развития капитализма см.: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. Гл.1. М., 1986 (особенно с.31–53).

9. Galbraith J.K. The Affluent Society. Boston, 1958; Ellul J. La Technique ou l'enjeu du siecle. P., 1954; Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. L.; N. Y., 1960.

10. Marcuse H. One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society. Boston, 1966 (1st ed.1964); Riesman e.a. A Lonely Crowd. N. Y., 1950.

11. “Функция праздного класса в развитии общества препятствовать движению, сохраняя то, что устарело”. (Веблен Т. Теория праздного класса / Пер.с англ. М., 1984. С.208).

12. Mallet S. La nouvelle classe ouvriere. P., 1963.

13. Dos Santos T. Socialismo o fascismo: El nuevo caracter de la dependencia y el dilema latinoamericano. Buenos Aires, 1972. P.57–61 y sig.; Petras J. e.a. Class, State, and Power in the Third World with Case Studies on Class Conflict in Latin America. Montclair; London, 1981. P.47–48, 79, 125–135; Boron A. Latin America: Between Hobbes and Friedman // New Left Review. L., 1981. N 130. P.45–66.

14. Lipietz A. Towards global Fordism? // New Left Review. L., 1982. N 132. P.42–47; idem. L'imperialisme ou la bete de l'apocalypse // Les temps modernes, P., 1983. N 447. P.757–759; idem. Mirages et miracles: Problemes de l'industrialisation dans le Tiers Monde. P., 1985. P.69–86.

15. Sunkel O. Capitalismo transnacional y desintegracion nacional // El trimestre economico. Mexico, 1971. N 2 (150). P.593 y sig.; idem. e.a. Transnacionalizacion y dependencia. Madrid, 1980. P.49 y sig.; Cardoso F.H., Faletto E. Dependencia y desarrollo en America Latina: Ensayo de interpretacion sociologica. 13a ed. Mexico, 1977. P.48–53, 82–101; Furtado C. Teoria e politica do desenvolvimento economico. 6a ed. Sao Paulo, 1977. P. 187–196, 234–245; idem. A nova dependencia: Divida externa e monetarismo. Rio de Janeiro, 1982. P.122–127.

16. См.: Хорос В. Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль. 1992. N 6. С.38.

17. Кюстин, А. де, маркиз. Николаевская Россия / Пер.с фр. М., 1990. С.164, 175–182.

18. Воронцов В.П. Излишек снабжения рынка товарами // Отечественные записки. 1883. N 5; его же. Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1893; Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного развития. СПб., 1893.

19. См.: Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Ленин В.И. ПСС. Т.1. С.67–122; его же. Развитие капитализма в России // Там же. Т.3. С.21–60, 553 и след.

20. Brzezinski Z. The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. L., 1989. P.35–40.

21. Маркс К. Капитал Т.1 //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.372–437; его же. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Там же. Т.46. Ч.II. С.348; его же. Экономические рукописи 1861–1863 гг. // Там же. Т.47. С.377, 391, 403 и след.; Ure A. The Philosophy of Manufactures, or an Exposition of the Scientific, Moral, and Commercial Economy of the Factory System of Great Britain. L., 1967 (1835). P.30, 331, 365–368.

22. Давыдов Ю.Н. Тоталитаризм и техника. (Власть техники и технология власти) // Полис (Политические исследования). 1991. N 4. С.21–34.

23. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.114–117.

24. Васильчук Ю.А. Переход ко второму этапу НТР (Новый механизм торможения и новая расстановка классовых сил) // Рабочий класс и современный мир. 1988. N 3. С.74.

25. См.: Вильчек В.М. Алгоритмы истории: Философско-социологические этюды. М., 1989. С.122-123.
26. См.: Янов А. Одиссея русской автократии // Перспективы. 1991. N 2.
27. Стариков Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. N 4. С.142-155.
28. Wittfoegel К.А. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, 1957; Sherman Н. Foundations of Radical Political Economy. Pt. III. Armonk (N.Y.); London, 1987; Заславский В. Россия на пути к рынку: государственно-зависимые работники и популизм // Полис (Политические исследования). 1991. N 5. С.66.
29. См.: Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.19, 26-28; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же. Т.21. С.25-26; Маркс К. Капитал. Т.3 // Там же. Т.25. Ч.II. С.386-387; Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. С. 27-28, 30, 483-484; Печчеи А. Человеческие качества / Пер. с англ. М., 1980 (2е изд. 1985); Peccei A. One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome. N. Y., 1981. P.167-191; Ikeda D., Peccei A. Cri d'alarme pour le XXIe siecle: Dialogue entre D.Ikeda et A.Peccei. P., 1986. P.148 et suiv.
30. Marcuse Н. La fin de l'utopie. Neuchatel; Paris, 1968. P.8, 9-10.
31. А.А.Собчак пока оказался единственным (!) политиком в России, кто обратил внимание на постиндустриализацию развитых стран (см.: Собчак А.А. Хождение во власть: Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С.213).
32. Revel J.F. Ni Marx, ni Jesus: De la seconde revolution americaine a la seconde revolution mondiale. P., 1970. P.9, 19, 38, 263-264; Reich Ch. The Greening of America. N.Y., 1970 (особенно P.4-6, 223 et ff., 266, 300-306; idem. The Sorcerer of Bolinas Reef. N.Y., 1976. P.101, 156.
33. Fromm E. The Revolution of Hope: Toward a Humanized Technology. Toronto; New York; London, 1968. P.98-99, 127, 168-169; idem. To Have or to Be? N.Y., 1976. P.16 et ff., 170 et ff. (Русск.перевод: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990).
34. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.I. С.281; Бунин И.М. Социалисты и общественно-политическая борьба во Франции в 80-е годы. М., 1989. С.186.
35. См.: Васильчук Ю.А. Семья как экономическая "клеточка" воспроизводственного процесса // Соревнование двух систем. Социализм и капитализм: Общее и особенное. М., 1990. С.64-69; его же. Отношения и права собственности в эпоху НТР: Масштабы перемен // Полис (Политические исследования). 1991. N 2. С.12-13; Jurdant M. Le defi ecologiste. Montreal, 1984. P.299-301; cf. Roussel L. Les "futuribles" de la famille // Futuribles. P., 1991. N 153. P.7.
36. Eem B., Laplume Y. Les nouveaux entrepreneurs en France: Minorite d'exclus ou minorite d'avant-garde? // Futuribles. P., 1981. N 49. P.39-40.
37. Toffler A. The Third Wave. Toronto; New York, 1981. P.275-277, 281-282; Васильчук Ю.А. Переход ко второму этапу НТР (новый механизм торможения и новая расстановка классовых сил) // Рабочий класс и современный мир. 1988. N 3. С.65.
38. "...сохранение семьи — ключевой фактор уменьшения бедности", — писал теоретик американских "новых правых" Дж. Джилдер (См.: Gilder G. Wealth and Poverty. N.Y., 1981. P. 69). См. также: America in Perspective: Major Trends in the United States through the 1990s. Oxford Analytica //D.R. Young e.a. Boston, 1986. P.93, 335-338; Future 21: Directions for America in the 21th Century/ Ed. by P.Weyrich and C.Marshner. Greenwich (Conn.), 1984. P.158; Michau J.L. Liberer le temps: Une nouvelle dimension de notre civilisation. P., 1987. P.49; Лафонтен О. Общество будущего: Политика реформ в изменившемся мире / Пер.с нем. М., 1990. С. 133, 141; Васильчук Ю.А. Гражданское общество эпохи НТР // Полис (Политические исследования). 1991. N 4. С.59.
39. См.: Васильчук Ю.А. Отношения и права собственности в эпоху НТР: Масштабы перемен // Полис (Политические исследования). 1991. N 2. С.12-13; Collange Ch. Le divorceboom. P., 1983. P.83-88.
40. Toffler A. Op.cit. P.230-232 et ff.; Collange Ch. Op.cit. P.242-245, 264-268; Naouri A. Les relations intrafamiliales // Futuribles, Paris. 1991. N 153. P.51-62.
41. Lussato B., Messadie G. Bouillon de culture. P., 1986. P.712, 253-259; Charzat G. Europe et politique nationale // La nouvelle revue socialiste. P., 1989. N 5. P.35.

42. Bell D. *Liberalism in the Postindustrial Society* // Bell D. *Sociological Journeys: Essays 1960–1980*. L., 1980. P.237–238.
43. См.: Моритани М. *Современная технология и экономическое развитие Японии* / Сокр.пер.с англ. М., 1986. С.87; Marshall G., Newby H., Rose D., Vogler C. *Social Class in Modern Britain*. London e.a., 1988. P.207, 208 (table 8.2); SOFRES. *L'etat de l'opinion: Cles pour 1987*. P., 1987. P.143.
44. Gyllenhammar P.G. *People at Work*. Reading (Mass.), 1977. P.21, 23, 63–72; Caulkin S. *Britain's Best Factories* // *Management Today*, L., 1988. N 9. P.59.
45. Poniatowski M. *Les technologies nouvelles: La chance de l'homme*. P., 1986. P.44; Naisbitt J., Aburdene P. *Coup d'etat dans l'entreprise*. Traduit de l'americain. P., 1987. P.67, 75.
46. Feingold N.S. *Emerging Careers: Occupations for Post-Industrial Society* // *The Computerized Society: Living and Working in an Electronic Age*. Bethesda (Md.), 1985. P.28.
47. Васильчук Ю.А. Ук.соч. С.13–17; его же. *Гражданское общество эпохи НТР* // *Полис (Политические исследования)*. 1991. N 4. С.420.
48. См.: Лисюткина Л.Л., Патрушев С.В. *Массовые демократические движения: Современный облик и тенденции развития* // *Рабочий класс и современный мир*. 1988. N 1. С.33–43.
49. Blot Y. *Pourquoi la democratie directe?* // Yvan Blot et le Club de l'Horloge. *La democratie confisque*. P., 1989. P.194.
50. Nussbaum B. *Needed: Human Capital* // *The Business Week*. 1988. 19 Sept. N 30–66. P.45.
51. Toffler A. *Op.cit.* P.441; idem. *Previews and Premises*. N. Y., 1983. P.112; Touraine A. *Le retour de l'acteur: Essai de sociologie*. P., 1984. P.237–248.
52. Servan-Schreiber J.J. *Le defi mondial*. P., 1980. P.261–262, 421–422.
53. Touraine A. *Le retour de l'acteur: Essai de sociologie*. P., 1984. P.232 et suiv.; idem. *Modernity and Cultural Specificities (Modernity and Identity. A Symposium: Culture, Economy and Development)* // *International Social Science Journal*. P., 1988. N 118. P.443–456; Abdel-Malek A. e.a. *Cles pour une strategie nouvelle de developpement*. P., 1984. P.10, 15–16, 112–121 et suiv.
54. Poniatowski M. *L'avenir n'est ecrit nulle part*. P., 1978. P.160; Blot Y. *Les racines de la liberte*. P., 1985. P.223–224.
55. Bell D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties with a new Afterword*. Cambridge (Mass.); London, 1988. P.409.
56. Villegas O. *Guerra revolucionaria comunista*. Buenos Aires, 1963. P.41, 101–102, 127; *A revolucao de 31 de marco. 2 aniversario colabaracao do exercito*. Rio de Janeiro, 1966. P.130; Meira Penna J.O *de Politica externa: Seguranca e desenvolvimento*. Rio de Janeiro, 1967. P.11; Simonsen M. N., Oliveira Campos R. *de Formas criativas no desenvolvimento brasileiro*. Rio de Janeiro, 1975. P.30.
57. Sorman G. *La revolution conservatrice americaine* / Ed. revisee et augmente. P., 1983. P.239–240.
58. См.: Podhoretz N. *Breaking Ranks: A Political Memoir*. N. Y. e.a., 1979. P.247, 355.
59. См.: Fraga Iribarne M. *La crisis del Estado espanol*. Barcelona, 1978. P.127–128, 131–132; idem. *Ideas para la reconstruccion de una Espana con futuro*. Barcelona, 1980. P.38, 55, 101–104.
60. Красильщиков В. *Консерватизм — идеология прогресса? Идеи прошлого и развитие Запада* // *Свободная мысль*. 1992. N 9. С.21–24.
61. Greiffenhagen M. *Dilemma und Chancen des Konservatismus* // *Chance und Zukunft: Neue Aspekte fur Politic, Kultur und Weltanschauung.*/Hrsg. von R.Kreichbaumer. Innsbruck; Wien, Munchen, 1979. S.32.
62. Ср.: Oliveira Campos R. *de Funcao da empresa privada*. Rio de Janeiro, 1971. P.43, 50.
63. См.: Грамши А. *Тюремные тетради* // *Избр.произведения*. Т.3. М., 1959. С.438–442.
64. См.: Гливаковский А.К. *Национальная безопасность России и геополитика* // *Кентавр*. 1991. Октябрь–декабрь. С.49.